

A movie poster for 'The Outliers' featuring five young people in a forest. The scene is backlit by a bright, warm light, creating a silhouette effect. From left to right: a young man looking up, a young woman looking down, a young man looking to the right, a young woman looking to the left, and a young woman with arms crossed looking to the left. The background shows a dense forest of trees with bare branches.

ДЖЕССИКА КУСД ЭТТИНГ
АЛИССА ЭМБРИ ШВАРЦ

ПРОПАЩИЕ ДУШИ

*Они — отбросы. Аутсайдеры.
Но только они могут
найти убийцу.*

18+

Annotation

Зи — дочь строительного магната, страдающая от депрессии.

Сабрина — девушка с яркой внешностью, зависимая от лекарственных препаратов.

Ипохондрик Эндрю, поглощенный своими недугами, совершенно не способен к учебе.

Гэбби страдает обсессивно-компульсивным расстройством.

Джастин — звезда школьной футбольной команды — не справляется с приступами агрессии.

Пятеро учеников старшей школы в Седар Спрингс — аутсайдеры, на которых давно поставили крест и родители, и учителя, и одноклассники. Но когда размеренную жизнь их городка нарушает жестокое убийство, именно они способны раскрыть преступление, перед которым оказываются бессильно ФБР.

Сможет ли пятерка изгоев, которых все вокруг считают безнадежными, найти убийцу?

Джессика Эттинг, Алисса Шварц

Пропавшие души

Jessica Koosed Etting, Alyssa Embree Schwartz
THE LOST CAUSES

Печатается с разрешения автора и литературных агентств *Baror International, Inc.* и *Nova Littera SIA*.

© 2017 by Jessica Koosed Etting

© and Alyssa Embree Schwartz

© М. Карманова, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

***

«Роман, от которого не оторваться».

Booklist

«Эта книга заставляет читателей требовать продолжения».

School Library Journal

«Увлекательно, очень динамично!»

Kirkus Reviews

Кампус старшей школы Седар-Спрингс этим утром выглядел как картинка, тщательно обработанная в фотошопе. Синее небо, ни облачка, птички оккупировали лужайку и щебетали изо всех сил. Даже несколько рыжих листьев, медленно опустившихся с вершин деревьев, выглядели как яркая реклама осени.

— Отвратная погода, — пробурчала Зи Чепмэн, обращаясь к своему парню, Джареду, который разлегся рядом с ней на футбольном поле за школой. День выдался из тех, когда люди чувствуют, что надо быть бодрыми и жизнерадостными — а именно этого Зи не выносила. Она предпочитала погоду, соответствующую ее настроению, постоянно облачному, будто у нее в душе сплошной Сиэтл.

Она вытянула руку вверх, прикрывая глаза от солнца, и скрестила тощие ноги. Спасибо периоду взрывного роста, который наступил у нее в тринадцать, — она была худой и долговязой, хотя грудь явно не поспевала за остальным телом. Не то чтобы это ее беспокоило. Незачем лифчик — значит, на одну вещь меньше ей нужно будет надевать под свой ежедневный наряд, состоящий из черной майки, черного свитера, черных штанов и черных армейских ботинок. Ей нравилось, что ее бледная кожа выглядела почти прозрачной, контрастируя с черной одеждой и волосами цвета воронова крыла, которые сейчас были острижены под машинку и едва заметны.

— Копы опять вас навещали? — спросил Джаред, покончив с банкой колы, которую он всегда выпивал перед первым уроком.

— Понятия не имею, — безразлично ответила Зи. Она закрыла глаза; усталость придавливала ее тело к траве. Почему они не могут просто провести еще одно утро в тишине, чтобы она могла подремать, чтобы ее не вынуждали тратить силы на разговор?

Особенно на эту тему.

В прошлом месяце одна женщина была жестоко убита в своей хижине, и хотя Зи понимала, почему об этом все еще говорили в городе — мол, одинокая женщина, никаких свидетелей, никаких улик, будто бы случайный акт чистого насилия, — это не означало, что Зи хочет об этом слышать. Куда бы она ни пошла, всюду люди перешептывались об убийстве Лили Карпентер, как будто киллер прятался в одной из кабинок в туалете для девочек, выслеживая следующую жертву. Конечно, это было возможно, но паника вряд ли спасет чью бы то ни было жизнь.

А поскольку тело Лили Карпентер нашли на участке земли, который папа Зи пытался купить, чтобы использовать для строительства, Джаред постоянно поднимал тему убийства. Как будто эта косвенная связь каким-то образом делала Зи частью истории.

— Слышал, они все еще понятия не имеют, кто это сделал, — сказал Джаред, с отсутствующим видом обрывая нитки со своих растрепавшихся шнурков. — Ни отпечатков пальцев, ни мотива, ничего.

— Ага.

— Держу пари, твой папа неслабо расстроился.

— Ага, он жутко зол.

— Я его не виню. По городу бегают убийца, а копы страдают какой-то фигней.

Зи покачала головой, не открывая глаз.

— Отец не поэтому бесится. Его стройплощадка — по-прежнему место преступления,

так что ему запрещают вести на ней любые работы. Все заморожено. А время — деньги, понимаешь?

Джаред сел и произнес восторженным голосом:

— Держу пари, если твой папа попросит...

— Пожалуйста, не могли бы мы прекратить обсуждать убийство Лили Карпентер? Это скучно.

— Нет, не скучно. Это безумие. Кого-то убили, — сказал он, вложив в эти слова, пожалуй, слишком много энтузиазма, учитывая тему. — Ты просто недостаточно долго живешь здесь. Такие шутки никогда не случаются в Седар-Спрингс.

Зи оперлась на локти и посмотрела на Джареда, подняв брови.

— Правда? А ты в курсе, что в девятнадцатом веке здесь уничтожили тысячи коренных жителей?

— Ну да, но это было вечность назад.

Она снова откинулась на недавно подстриженную траву, так что стала видна татуировка у нее на животе — красная звезда, которую она сделала после того, как прочла «Манифест Коммунистической партии». Она старалась не задумываться о том, что ай-кью у Джареда примерно как у кушетки. Возможно, он потрясен тем, что здесь случилось что-то ужасное, но Зи — определенно нет. Она знала, что этот маленький городок точно не такой уж безмятежный, каким кажется. Возможно, люди думали, что они в безопасности, затаившись на границе между Колорадо и Нью-Мексико, но Зи пробыла тут достаточно долго, чтобы заметить: все здесь не такое мирное, как кажется. Вдалеке прозвучал школьный звонок, и она застонала. Девушка многое бы отдала за возможность прогулять школу и провести время дома у Джареда, где было безлюдно и тихо, но парень никогда не согласился бы на это. Он с трудом получал приличные оценки по химии, и Зи не могла найти достаточно сил, чтобы переубедить его.

Неспешно пересекая футбольное поле, они увидели парочку, которая обнималась под трибунами.

Джаред откинул со лба свои нечесанные волосы, чтобы выглядеть лучше.

— Это...

С отвращением прищурившись, Зи посмотрела на ту парочку:

— Он такой банальный.

Ее брат-близнец Скотт не заметил Зи и Джареда, идущих через поле, потому что был слишком занят, обнимаясь с Сабриной Росс.

Проходя мимо, Зи одарила их испепеляющим взглядом.

— Как трогательно.

* * *

Сабрина услышала слова Зи, произнесенные громко и четко, но не подала виду. Как раз сейчас ей нужно было просто сосредоточиться на своей конечной цели.

— Ты восхитительна, — прошептал Скотт, уткнувшись ей в шею. Мать Сабрины была японкой, а отец афроамериканцем, и потому на Сабрину всегда заглядывались. Когда она была младше — из-за того, что людям становилось любопытно, что она такое. Теперь они просто думали, что она привлекательна. Сама Сабрина так не думала, но считала это чем-то

вроде своей тайной суперспособности и время от времени (как сейчас) позволяла этой суперспособности работать на нее.

Скотт сунул руки под ее футболку, к самому лифчику, и она не попыталась остановить его. Впервые они зацепились на домашней вечеринке на прошлой неделе, по большей части благодаря лишней таблетке экстази, которую Сабрина проглотила, как только поняла, что действие первой проходит.

— Скотт!

Сабрина подпрыгнула, оттого что у нее за спиной раздался тонкий визг. Она мгновенно обернулась и обнаружила, что его издала Эмили Прайс, чье лицо покраснело от гнева. На нем отразились одновременно ужас и боль, что могло означать только одно.

У Скотта была девушка.

Сабрина изо всех сил попыталась вспомнить, знала ли она об этом. Но как вообще можно было уследить за всеми переменчивыми парочками в их старшей школе?

— Это не то, чем кажется... — начал Скотт.

Эмили покачала головой, и хвост ее волос хлестко качнулся у нее за спиной.

— Ты надо мной смеешься, а? Ты рукой ей под футболку залез!

Скотт потянулся к Эмили, но она отмахнулась от него.

— Знаешь, я не поверила твоей сестре, когда она говорила мне, что ты тут проводишь время... *с ней*. — Эмили выплюнула последнее слово, будто оно обжигало ей язык. — Это, пожалуй, чересчур.

Когда она с оскорбленным видом удалилась, Сабрина ненадолго задумалась о том, стоит ли ей извиниться позже. Назначать свидание чужому парню было не вполне честно. Хотя, может, это именно тот толчок, в котором нуждалась Эмили, чтобы понять, что она достойна лучшего, чем Скотт. А может, Сабрина просто пыталась рационализировать случившееся, чтобы избавиться от чувства вины.

— Мне нужно поговорить с ней, — сказал Скотт, покачав головой. Его голос звучал скорее раздраженно, чем расстроено, и это означало, что у Сабрины еще есть немного времени, чтобы получить желаемое.

Она небрежно прислонилась к трибунам.

— Раз уж ты тут оставляешь меня на мели, не хочешь ли как-то смягчить ситуацию?

Если Скотт и понял, что его используют, то не показал вида. Слишком гордый, предположила Сабрина. Типичный парень.

— У меня есть немного викадина, все остальное по нулям.

Как только Сабрина услышала это слово, у нее зазвенело в ушах.

— Викодин пойдет.

Скотт протянул ей три таблетки, две из которых она проглотила не запивая, как только он ушел. Пока она ждала, чтобы пульс замедлился и чувство онемения окутало кожу, ее мысли обратилась к Зи, которая каким-то загадочным образом стала причиной этого скандала. Зи пыталась делать вид, что она выше всего этого — с ее стрижкой под машинку и настроением в духе «мне на все плевать». Это была печальная попытка скрыть, какой она еще ребенок. С чего бы любая другая девушка решила подложить свинью своему брату таким вот образом?

Но десять минут спустя начала действовать гарантированная магия викадина и Скотт, Эмили и Зи исчезли на задворках сознания Сабрины, присоединившись к сотням других вещей, о которых она отказывалась думать.

Волоча ноги, Эндрю Форман вошел в кабинет математики. Слишком большой свитер болтался на его худом теле, будто он постился и отощал до костей. Он был высоким, долговязым, и может, из него вышел бы неплохой баскетболист, имей он хоть зачатки координации. Но даже легкий ветерок, влетевший в открытое окно кабинета, едва не сбил его с ног.

«Голову ниже», — сказал он самому себе, проходя мимо первого ряда парт и стараясь не встречаться глазами с учителем. Но мистер Гринли не дал ему такой возможности.

— Мистер Форман, как мило с вашей стороны появиться сегодня на занятиях, — сказал мистер Гринли, сдвинув на лоб свои очки в проволочной оправе.

— У меня есть справка от врача, — пробормотал Эндрю.

— Верно, — сказал мистер Гринли, растягивая тонкие губы в усмешке. — Как всегда.

Несколько учеников в переднем ряду рассмеялись, впечатленные его шуткой, а Эндрю прокрался на свое место в дальнем углу кабинета.

Ровно в 9.55, когда начался третий урок, мистер Гринли приглушил свет в кабинете и закрыл жалюзи. Он был из тех преподавателей, которые обожали вести уроки с помощью Power Point.

— Итак, сегодня мы повторим, как решать системы линейных неравенств с помощью графика, а затем перейдем к решению методом сложения.

Он открыл первый слайд — мешанину букв и цифр, глядя на которую Эндрю осознал, насколько сильно он отстал. Он изо всех сил сжал карандаш, поспешно записывая все, что говорил мистер Гринли, хотя понятия не имел, что все это значит. Потом выпустил карандаш из рук, потому что почувствовал острый укол в левую ногу, будто в нее вонзилась отравленная игла. Эндрю инстинктивно схватился за лодыжку, стараясь удержаться от крика, и от прикосновения боль чуть стихла. Для проверки он похлопал по ноге. Прошлой ночью он заметил, что она немного распухла, но попытался убедить себя, что это не так. Определенно это была ошибка.

Еще одна вспышка боли пронзила лодыжку Эндрю как раз тогда, когда мистер Гринли, нахмурившись, повернулся к нему.

— Мистер Форман, в какую точку оси X будет проецироваться решение?

Новый приступ боли словно разорвал грудь Эндрю.

— Мы ждем... — сказал мистер Гринли, постукивая ручкой по своему столу.

Взгляды всего класса обратились на Эндрю. В обычной ситуации он смутился бы до жути, но сейчас ему было слишком больно, чтобы беспокоиться о чем-то еще. Такие приступы боли в груди были одним из главных симптомов эмболии легких. Когда Эндрю на прошлой неделе обратился к лечащему врачу с жалобами на плохую циркуляцию крови, она клялась, что у него нет никаких тромбов. Теперь она почувствовала бы себя виноватой, убедившись, что тромб не только существовал, но уже препятствовал току крови в его легких.

— Простите, — сбивчиво пробормотал Эндрю, а затем вскочил с места и выбежал из комнаты.

Он пронесся по коридору, затем по лестнице, борясь со вспышками боли в ноге, и наконец добрался до кабинета медсестры.

— Мне нужна скорая, — произнес Эндрю, входя в тесный кабинет. Запах антисептика

обжигал его ноздри. — У меня тромб в левой ноге, и он вызвал эмболию легких.

Медсестра Тэмми безразлично посмотрела на него.

— Эмболия легких? Это странно, — прокомментировала она, даже не пытаясь встать и помочь ему.

Эндрю лихорадочно выпалил:

— Я знаю! Мне может понадобиться срочная операция! Почему вы ничего не делаете?!

— Потому что это уже шестой раз за месяц, когда ты просишь вызвать скорую, Эндрю, — ответила она.

Эндрю сжался — он готов был поклясться, что это только третий раз.

— После прошлого раза твоя мама прямо попросила, чтобы мы не разрешали тебе покидать территорию школы в подобных случаях. Оплата вызовов скорой помощи уже обошлась ей в кругленькую сумму.

Эндрю прикусил губу, расстроенный, но не удивленный.

Его мама, как и все остальные, похоже, была уверена, что он в течение уже почти десятка лет симулирует свои болезни.

Медсестра Тэмми взглянула на него, подняв бровь.

— Ну что? Как думаешь, ты способен вернуться на урок?

* * *

Сабрина тащилась по коридору, чтобы забрать книги для последнего урока. Проглоченный викодин замедлял ее движения, из-за чего она выделялась из окружающей толпы торопящихся учеников.

Когда Сабрина добралась до шкафчика, ее желудок сжался от беспокойства. Поверх ее вещей виднелся листок белой бумаги, в котором она мгновенно узнала бланк доктора Перл, школьного психолога. Сабрина просмотрела записку, в которой ей было велено пропустить последний урок и прийти на встречу в отделение искусств, кабинет № 113.

Она получала от доктора Перл подобные записки несколько раз в каждом полугодии — еще в девятом классе та отметила Сабрину как ученицу, нуждающуюся в психологической поддержке. Сабрину не радовала перспектива высидеть еще один бесполезный сеанс с консультантом, которая, без сомнения, будет разговаривать с ней в типичной для психотерапевтов пассивной манере, стремясь пристыдить за очередное правонарушение, о котором в очередной раз сообщили директору. (Доктор Перл перестала симпатизировать ситуации в семье Сабрины где-то после того, как ее в третий раз отстранили от занятий за курение марихуаны на территории школы. А это случилось примерно тогда, когда Сабрине сказали, что ей придется остаться в предпоследнем классе на второй год.) Но каждый раз, если доктор Перл хочет с тобой увидеться, это означает, что можно законно не прийти на урок. Сабрина была вполне согласна послушать скрипучий голос этой женщины из-за того, что могла пропустить тест по испанскому, к которому она все равно не готовилась, потому что прошлой ночью была слишком пьяна, чтобы учиться.

Отделение искусств находилось в старой обветшавшей постройке в дальнем конце территории школы. Дверь громко скрипнула, когда Сабрина открывала ее. Полутемный коридор был пуст. Стивен Чепмэн, отец Зи и Скотта, успешно выбил из школьного совета средства на реставрацию этого здания, чтобы превратить его в оборудованный по

последнему слову техники центр искусств и мультимедиа. Строительство должно было начаться весной. Готовя здание к сносу, в школе перенесли уроки искусств в другие здания и вообще перестали назначать занятия в здешних кабинетах. Несколько недель назад Сабрина использовала это в своих интересах — чтобы набраться во время большой перемены. Может, ее из-за этого и вызвали? Это было бы *так* в духе доктора Перл — пожелать увидеться с Сабриной на месте преступления.

В здании было прохладно, так, как бывает в местах, которые подолгу пустуют, и Сабрина накинула на плечи свою джинсовую куртку по пути к кабинету № 113. Он находился в дальнем конце коридора, рядом с аварийным выходом, который вел к лесу, росшему на краю школьного кампуса.

Она распахнула дверь.

Но вместо доктора Перл девушка обнаружила внутри четырех учеников, сидящих за жесткими металлическими партами, выстроенными в круг. На каждом столе стояли табличка с именем и стакан воды. Сабрина мгновенно узнала в одном из учеников Джастина Диаза, звезду футбольной команды. Потом она нахмурилась, увидев, кто сидит рядом с ним — Зи со скучающей ухмылкой на лице.

— Что происходит? — спросила Сабрина. Доктор Перл всегда придавала преувеличенное значение сохранению конфиденциальности сеансов. Или викодин настолько затуманил ей голову, что она неправильно прочитала записку?

— Можно подумать, мы знаем, — откликнулся Джастин.

По другую сторону от него сидела утонченная блондинка — на ее карточке было написано «Гэбби». Она смотрела прямо перед собой и притопывала своими высокими светло-коричневыми ботинками, выдерживая четкий ритм. Два раза правой, один раз левой. Один раз правой, два левой. Постоянство этого ритма странным образом гипнотизировало.

— Ты тоже получила записку от доктора Перл? — спросил Сабрину четвертый студент. На его карточке значилось «Эндрю». Это был долговязый парень, который, скрючив на стуле свое тощее тело, держался за ногу, будто она болела. Как и та любительница притопывания, он казался младше. Сабрина подумала, что это, может быть, тот десятиклассник, которого прошлой весной увезли на скорой после чего-то вроде приступа астмы.

Его щеки покраснели, когда Сабрина встретилась с ним взглядом.

— Угу. Получила, — сказала она ему.

Она подошла к парте рядом с ним и, чуть помедлив, уселась, сняв куртку. В отличие от промерзшего коридора, в комнате хорошо топили, в ней было почти жарко, а может, она вспотела из-за того, что действие викодина заканчивалось. Сабрина взяла со стола воду и с жадностью опустошила стакан.

— Как вы думаете, чего она от нас хочет?

Зи испустила долгий вздох.

— Разве это не очевидно?

— Я не знаю, — ответила Сабрина, и в ее голосе явно слышалось раздражение из-за случившегося раньше. — Думаешь, она хочет обсудить со всеми нами твои проблемы с извращенной завистью в адрес твоего брата-близнеца?

— Сомневаюсь, что ты сможешь построить достаточно длинное предложение, чтобы выразить свое мнение на этот счет, — отрезала Зи.

— Что ты имеешь против меня? — спросила Сабрина. — Ты даже меня не знаешь.

— Забудь, — пробормотала Зи.

Эндрю прокашлялся.

— Погодите, что именно очевидно? — спросил он у Зи.

— Что доктор Перл расширила свои ограниченные навыки и перешла от проведения примитивных, ущербных индивидуальных занятий к групповой терапии. Может, она думает, что это сэкономит ей время.

Сабрина выдохнула. Вероятно, Зи права, что это и правда сессия групповой терапии. Сабрина не была уверена насчет Эндрю и Гэбби, но у Зи, похоже, достаточно психологических проблем, а Джастин... Она знала его с начальной школы. Его горячий темперамент никого не удивлял. В комнате воцарилась тишина. Через некоторое время ее нарушил кашель Эндрю.

— Ты в порядке? — спросила Сабрина, заметив, что он никак не может остановиться.

Эндрю отпил глоток воды и кивнул.

— В этом кабинете пыльно, — невнятно пробормотал он. — Может, это из-за отопительного котла. Уверен, его не топили месяцами, а частицы пыли иногда...

— Парень, кому какое дело? — сказал Джастин, и Эндрю отодвинул свой стул на несколько сантиметров.

Зи вздохнула.

— Может, если мы все заткнемся, доктор Перл наконец явится и расскажет нам, какого черта тут происходит?

* * *

Райан Нэш сидел в неприметном белом фургоне, сосредоточенно вглядываясь в маленький телеэкран. Он внимательно отмечал каждую деталь в поведении учеников, следя за ними в реальном времени благодаря крошечной камере, которая была спрятана в стене кабинета.

Он увеличил изображение Сабрины, стараясь не обращать внимания на изводившее его чувство раздражения из-за того, что ему дали это задание. Он наблюдал, как Сабрина притворилась, будто не видит, что Зи закатывает на нее глаза, и отметил подспудное напряжение между ними. Он не обнаружил ничего особенного, когда читал досье на них, но всегда находят такие тонкости и странности, которые проявляются только при непосредственном контакте.

Патриция открыла боковую дверь фургона и проскользнула на заднее сиденье. На ней был брючный костюм, как бы великоватый ей в плечах, хотя Нэш не мог сказать, в чем дело — то ли пиджак не по размеру, то ли Патриция попросту из тех женщин, которым не идет костюм. Ему еще предстояло увидеть, в какой одежде ей комфортно.

— Все готово, — сказала она, бросив быстрый взгляд на экран. — Пора! — Хотя ее слова прозвучали как вопрос, на самом деле это было утверждение. Ей пятьдесят пять, она на три десятка лет старше Нэша. Она задавала тон, она принимала решения по праву старшинства. Несмотря на ее энтузиазм, Нэш с трудом заставил себя поверить в успех задуманного.

Он кивнул, но, выйдя из фургона, не удержался и тут же спросил еще раз.

— Ты точно думаешь, что это наилучший способ?

Она немного помолчала, а потом сказала с абсолютной уверенностью:

— Несомненно. Я знаю, ты еще не уверовал, но в конце убедишься сам.

Дверь кабинета № 113 открылась, и Сабрина подняла взгляд, но вместо доктора Перл ее поприветствовали двое незнакомцев. Первой была худая женщина с длинными темно-русыми вьющимися волосами, которая тут же одарила каждого белозубой улыбкой. За ней вошел парень заметно младше нее и остановился поблизости от двери.

— Где доктор Перл? — спросил Эндрю, будто прочитав мысли Сабрины.

— Эндрю, боюсь, она задержится, — извиняющимся тоном ответила женщина. Сабрина уже собралась спросить, откуда та вообще знает их имена, но потом вспомнила, что на столах стоят карточки.

— Так, давайте все проясним. Позвольте мне представиться. Я доктор Патриция Николс, но в формальностях нет нужды. Пожалуйста, зовите меня Патрицией. А там, у двери — Нэш. Мы клинические психотерапевты. На самом деле я давняя коллега доктора Перл и она пригласила меня начать программу терапии здесь, в Седар-Спрингс.

Сабрина вздохнула. Зи была права.

— Сначала доктор Перл планировала сама ввести вас в курс дела, но внезапно возникла экстренная ситуация с одним из учеников. Я сказала ей, что мы сможем продолжать без нее, пока у нее не появится возможность прийти.

Патриция немного помолчала, будто ожидая, что кто-то ее перебьет, и Эндрю внезапно вскинул руку вверх.

— Да, Эндрю?

— Можно убавить отопление?

Патриция кивнула.

— Мы пытались. Похоже, что-то не так в системе. Я знаю, что это старое здание...

— Но не исключено, что у меня тромбоэмболия легких. И у меня определенно астма, которая может потребовать серьезного внимания в любой момент...

— Мы в курсе этого, Эндрю, — резко вмешался Нэш.

Сабрина повернулась к Нэшу, по-настоящему разглядев его лицо впервые с того момента, как он вошел в комнату. Осознание пронзило все ее тело. Это был *он*.

В понедельник, почти две недели назад, он вошел в «Соник бургер», где она подрабатывала после школы. Она услышала, как открылась дверь, но не посмотрела в ту сторону, потому что была занята — как раз забирала порцию картошки фри у покупателя, который пожаловался, что одна из порций сырая.

Закончив вводить код отмены, чтобы оформить возврат картошки, она наконец подняла взгляд на парня, который ждал у кассы, увидела его зеленые глаза, пятидневную щетину и угольно-черные ресницы, от вида которых по всему ее телу, как цунами, прокатилось ощущение влечения, какого она никогда раньше не испытывала.

— Чем я могу вам помочь? — пролепетала она, чувствуя, как быстро бьется ее сердце.

А потом он взглянул на нее, собираясь заговорить, и замер на секунду с застывшим в глазах удивлением, как будто увидел какую-то часть Сабрины, о существовании которой она и не подозревала. Он простоял так, в тишине, наверное, секунд пять, которые показались ей пятью часами, прежде чем прочистил горло.

— Я просто возьму комбо номер четыре.

— Окей, уже готовим.

Сабрина попыталась придумать, что еще сказать — она просто хотела продлить его присутствие хоть ненадолго, — но он развернулся и сел за столик, натянув поглубже свою серую шапочку и уставившись в окно.

Когда заказ был готов, Сабрина взяла поднос и направилась к его столику. Обычно она просто называла номер посетителя, но сейчас хотела получить еще один шанс поговорить с ним. Девушка глянула на свое отражение в маленьком зеркале у раздаточного окна, и ее передернуло от вида дурацкой форменной шапки, которую она была вынуждена носить.

— Ваш заказ, — сказала Сабрина, подойдя к столу. Сердцебиение снова участилось, и она не могла припомнить, когда еще хотя бы раз так себя чувствовала. Это походило на химическую реакцию — только без химических препаратов, — но было чем-то большим. Возникло ощущение предопределенности этой встречи.

— Вы живете где-то неподалеку? — спросила она. Дурацкий вопрос, но нельзя было дать этому парню уйти просто так.

— Что? — ответил он, мгновенно насторожившись.

— Я просто... не видела вас раньше, — пролепетала Сабрина. — Не то чтобы я знала каждого, кто сюда приходит, но я хотела сказать...

Что она хотела сказать?

— В общем, если вы недавно в Седар-Спрингс, я могла бы показать вам, что тут да как.

Она быстро нацарапала свой телефонный номер на чеке, не позволяя себе потерять самообладание.

— О, я буду иметь это в виду, — ответил он таким сильным, глубоким голосом, что у нее едва не подогнулись колени.

Девушка несколько дней ждала, что он позвонит или пришлет сообщение, но к выходным осознала, что это безнадежно, и нашла утешение в двухдневном наркотическом кутеже.

Теперь она не могла оторвать от него глаз. *Что он здесь делает?* На нем темно-синий пуловер с треугольным вырезом, а темные волосы еще заметнее без серой шапочки, в которой она видела его раньше. Возможно, именно поэтому она не узнала его сразу.

Нэш повернулся к ней, поймал ее взгляд и поднял бровь. Она отвела глаза, почувствовав, как горят щеки. Каким-то образом у нее получилось убедить себя, что между ними на самом деле существует связь, а теперь она сидела здесь, за партой, как ребенок, и оказалось, что он кто-то вроде *психотерапевта*.

Возможно, он пришел в «Соник» неслучайно. Вероятно, он присматривался к ней, заранее готовясь к сеансу психотерапии. Или, может, она просто параноидально мыслит. В Седар-Спрингс всего-то три закусочные, так что он был обречен зайти в одну из них. Возможно, это просто случайность.

Она оглянулась и обнаружила, что он все еще смотрит на нее. Но на этот раз Сабрина знала, что он просто наблюдает за ней как за пациентом — и ничего более.

— Почему бы нам не начать? — сказала Патриция. — Чему же конкретно посвящена эта встреча? Попросту говоря, мы начинаем еженедельную программу групповой терапии, которая разработана, чтобы помочь вам преодолеть ваши проблемы и двигаться вперед.

Зи посмотрела на группу, подняв бровь, — она верно догадалась.

— Мы обнаружили, что взаимная поддержка невероятно эффективна. С помощью ролевых игр, упражнений на развитие памяти, на доверие и других психологических практик вы убедитесь, что здесь вы все нашли безопасное место, где сможете делиться тем, что не

дает вам двигаться дальше.

Сабрина пожалела, что не выбрала тест по испанскому.

— Я уже добилась успеха с подобными программами в нескольких других школах страны. Когда я связалась с доктором Перл, чтобы реализовать одну из них здесь, она предложила вас пятерых как идеально подходящих кандидатов.

Хотя Патриция попыталась подать это как комплимент, обмануть Сабрину ей не удалось. Если мозгоправ думает о тебе как о лучшем кандидате для участия в программе интенсивной психотерапии, гордиться тут нечем.

— Какие у меня, к черту, проблемы? — выпалил Джастин. Его лоб покрылся капельками пота. — Я вовсе не такой, как она. — Он показал на Гэбби, которая склонила голову еще ниже, поняв, что на нее обратили внимание, но не перестала ритмично постукивать ногами.

— Разве на прошлой неделе у тебя не случился конфликт с применением физической силы с другим учеником? — спросил Нэш. Он имел в виду потасовку в кафетерии, которую Джастин устроил во вторник, бросив целый стол и полдюжины металлических стульев в капитана футбольной команды.

— Многие парни дерутся, — прищурившись, ответил Джастин. — И почему я должен вас слушать? Сколько вам лет? Столько же, сколько и мне?

Сабрина наклонилась вперед. Ей было любопытно услышать, сколько лет Нэшу. Он не выглядел намного старше нее, так что, может, был аспирантом или типа того.

«Даже не обсуждается, — напомнила она себе. — Вообще невозможно».

— Джастин, тебя не должен удивить тот факт, что ты обладаешь качеством, которое можно определить как социопатическую склонность к насилию, — невозмутимо ответил Нэш. — Итак, еще кто-то хочет высказаться или мы можем продолжать?

Сабрина промолчала. Она знала, что остальные присутствующие, вероятно, уже подумали о ней. И ей не нужно было, чтобы Нэш выносил это на общее обсуждение.

Патриция глубоко вдохнула.

— Есть одна особенность, благодаря которой вы все попали в эту программу. Какими бы разными вы ни казались, у вас есть кое-что общее.

В комнате воцарилась тишина.

— Вас всех списали со счетов, — сказала Патриция с ноткой скептицизма в голосе, будто хотела выразить раздражение в адрес тех, кто осудил учеников таким образом. — Ваши школьные дела свидетельствуют, что все вокруг считает вас безнадежными, пропащими. Люди оставили попытки вам помочь. Ваши учителя, ваши одноклассники, даже ваши родители.

Эта информация не стала новостью для Сабрины, но было по-прежнему больно слышать, как кто-то произносит это вслух.

— Это неправда, — сумел выговорить Эндрю, прежде чем приступ сухого кашля снова одолел его.

Зи пожалала плечами и отпила глоток воды.

— По-моему — в точку.

— Почему вы решили, что наши родители поставили на нас крест? — негромко спросила Гэбби, и это были первые слова, которые она произнесла с того момента, как вошла в комнату. Большие невинные голубые глаза Гэбби напомнили Сабрине куклу American Girl, с которой она играла, когда была маленькой.

Нэш продолжил говорить, и в его голосе появилась нотка сочувствия.

— Неделю назад мы послали им всем письма, информирующие об этой программе. На самом деле мы послали их дюжине родителей или около того. Мы объяснили им, что это за программа, почему она может быть полезна для вас и какие истории успеха у нас уже есть. Некоторые родители позвонили нам сразу же, отчаянно прося взять своих детей в программу. Другие позвонили и обругали нас, убеждая, что их детям не нужна помощь. А знаете, что общего у ваших родителей?

Никто не ответил.

— Они — единственные, кто вообще не отреагировал.

Сабрина подняла глаза, наконец-то встретившись взглядом с другими. На одну короткую секунду их всех объединили гнев и стыд.

— Вот как мы выбрали всех вас.

Патриция быстро подхватила:

— Но мы не собираемся соглашаться с вашими родителями или с кем-то еще. Вот почему мы делаем это. Мы хотим доказать, что они неправы. Мы с Нэшем отказываемся списывать вас со счетов. Мы можем помочь вам, нам уже удавалось это раньше. Все что вам нужно — это немного дополнительной поддержки от нас и друг от друга. Мы верим в вас.

Чтобы подчеркнуть сказанное, Патриция хлопнула рукой по столу.

— И мы хотим, чтобы вы верили друг в друга.

На долю секунды Сабрина позволила себе задуматься: а может, эта программа действительно сработает? По тому, как Гэбби наклонилась вперед на своем стуле, она догадалась, что она думает о том же. Сабрине не так уж нравилось, что все мысли в ее голове словно затянуты туманом и на следующий день она едва может вспомнить, что делала вчера, запертая в бесконечном цикле погони за следующей дозой кайфа. Но как упражнения на доверие в компании других неудачников помогут ей?

— На своих партах вы найдете списки контактов с телефонными номерами всех участников на случай, если захотите связаться друг с другом до нашей следующей встречи, — продолжила Патриция. — У меня есть предчувствие, что в течение следующих нескольких дней вы будете нуждаться друг в друге. На самом деле эта программа может дать вам совершенно новую цель в жизни.

— Каким это образом мы понадобимся друг другу? — Теперь Сабрина почувствовала, что ее скептицизм обоснован. Пустые общие фразы, которые рассыпала Патриция, на вид ничем не отличались от типичных программ групповой терапии, о которых доктор Перл писала Сабрине несколько лет назад.

— Ну, мне, например, пофиг, — объявил во всеуслышание Джастин, вставая из-за своей парты и направляясь к двери.

— Джастин, пожалуйста, сядь, — сказала Патриция твердым, но спокойным голосом, как умеют многие психотерапевты.

Джастин даже не сбился с шага.

— Я лучше посижу на алгебре, чем буду общаться с вами, уроды. И это о многом говорит. С этими словами он хлопнул дверью так, что грохот заполнил всю комнату.

Когда ни Нэш, ни Патриция не попытались его вернуть, Сабрина сказала:

— Погодите, мы можем просто уйти?

— Я бы предпочла, чтобы вы этого не делали, — ровным голосом сказала Патриция. — Но нам нужны добровольные участники. Я не могу удерживать вас здесь и силой заставлять

говорить с нами.

Сабрина вскочила, и в тот же момент остальные поспешно встали. Никто не хотел быть последним оставшимся.

Зи выскользнула наружу первой, за ней почти сразу вышла Гэбби, методично просчитывая каждый шаг на пути к двери.

— Простите, — пробормотал, прихрамывая, Эндрю. — Но у меня и правда нет никаких психологических проблем. Если бы вы были врачами, я бы, может, и заинтересовался.

Сабрина бросила на Нэша последний взгляд, надеясь, что ей удастся выглядеть собранной, хотя ее руки уже начали дрожать, нащупывая последнюю дозу викадина в кармане куртки. Ее не удивило, что мама не ответила на письмо Патриции. Но она думала, что папа волнуется о ней хотя бы настолько, чтобы, по крайней мере, упомянуть об этом письме. Она сжала губы, заставляя себя не думать об этом, пока средство, приносящее туман и онемение, не подействует на нее своей магией снова.

* * *

Десять минут спустя Нэш осмотрел расставленные по кругу пустые парты и опустевшие стаканы — единственное доказательство того, что здесь вообще кто-то был.

— Вы думаете, это сработало? — скептически спросил он Патрицию.

— Это сработало, — ответила она, собрав со стола карточки с именами и протянув их Нэшу.

— Потому что мы теряем время каждый день, который мы могли бы использовать более эффективно, чем...

— Верь мне, — перебила его Патриция, прежде чем выйти из кабинета.

Нэш предпочел бы иметь ответы, а не веру, но он держал эти мысли при себе. Он молча начал рвать карточки с именами на мелкие клочки, одну за другой.

К тому моменту, когда Гэбби Даль вошла в раздевалку, чтобы переодеться к физкультуре, которая шла последним уроком, она уже выкинула из головы провальнЫй сеанс групповой терапии. Поскольку у нее и без того хватало более насущных проблем, вытеснить из сознания все несущественное было очень легко.

Получилось так, что она только начала мыть руки, когда прозвенел звонок, предупреждающий, что вот-вот начнется шестой урок. У нее оставалось всего пять минут — или ей опять запишут опоздание. Над ней уже нависла опасность получить незачет, и это не укладывалось в головах ее родителей.

— Как вообще можно завалить такой предмет, как физкультура?

Гэбби подслушала, как папа ворчливо жалуется маме и вздыхает. Он больше не мог скрывать свое разочарование.

Девушка оставила воду включенной еще ровно на пятнадцать секунд, а потом выключила ее, взяла три бумажных полотенца и тщательно вытерла каждый палец.

Удовлетворившись этим, Гэбби начала отсчитывать двадцать семь шагов к своему шкафчику, тщательно избегая трещин на старом цементном полу. Тут она заметила свое отражение в полный рост в длинном зеркале, вытянувшемся вдоль всей стены. Она была ниже, чем большинство девушек ее возраста, и у нее были пышные светлые волосы, за которыми так легко прятаться.

Она добралась до своего шкафчика, трижды постучала по нему и ввела комбинацию на замочке, открыла обшарпанную металлическую дверь, а потом быстро захлопнула ее. Прежде чем она сможет оставить дверцу открытой и начать переодеваться, Гэбби должна была сделать это еще пять раз — разумеется, если ничто не нарушит эту последовательность.

Примерно в метре от нее несколько девочек столпилось вокруг деревянной скамейки.

— Мои родители так бешутся от этого. Они даже не разрешили мне пойти на футбол в прошлые выходные, — сказала Ханна Фэлпс, натягивая носки.

Захлопывая дверь шкафчика во второй раз, Гэбби задумалась, помнит ли Ханна, что когда-то они дружили. Казалось, это было так давно.

— Я знаю, — согласилась Эмили Прайс. — Мои хотят сами возить меня повсюду. Хочу сказать, я понимаю их. Я не хочу кончить как бедная Лили. Конкретно сейчас я боюсь ходить куда-то в одиночестве. Вот бы они уже поймали того мужика, чтобы мне опять разрешили гулять до полуночи.

Гэбби пробрала дрожь от упоминания о недавнем убийстве Лили Карпентер в ее собственной хижине на краю леса Арапахо. Девушка потрясенно замерла, когда впервые услышала, что эта милая женщина, известная всему городу своими ручной работы свечами с запахом кедра, была застрелена в упор. Гэбби не раз заходила в киоск Лили на фермерском рынке и всегда замечала, как та спокойна и терпелива, даже когда Гэбби приходилось пересчитывать банкноты восемь раз, прежде чем передать ей деньги. Кто станет убивать такого человека, причем вроде бы без причины?

Несмотря на то что Лили, очевидно, не была так уж ей близка, Гэбби не могла отделаться от ощущения, что это убийство задело и ее, потому что она надеялась на справедливое отношение к такому приятному человеку. Она читала об этом деле все статьи,

какие находила, и теперь знала все существующие версии. Убийство Лили как-то связано со Стивенем Чепмэном, который хотел купить у нее землю, чтобы использовать ее в коммерческих целях? Или она стала жертвой гастролера — какого-то серийного убийцы, который появляется то в одном городе, то в другом, нападая на одиноких женщин? Или убийцей был кто-то из местных, житель Седар-Спрингс, и теперь он с нетерпением ищет следующую жертву? Именно последний вариант сводил с ума большую часть города, включая и Гэбби. Все родители встревожились, покупали высокотехнологичные охранные системы, договаривались о совместных дежурствах и устанавливали для подростков комендантский час. Впрочем, Гэбби вряд ли стоило беспокоиться об этом. С того времени когда ей было куда пойти после школы, прошли годы, и она возвращалась прямо домой точно в 3.47 каждый день. Ее воспоминания о долгих тренировках на треке для катания на коньках и пижамных вечеринках с друзьями почти стерлись.

Гэбби пыталась сохранять спокойствие. Она не могла допустить, чтобы стресс из-за звонка подействовал на нее. Если она сможет быстро добраться до коридора, у нее, возможно, будет шанс попасть на урок вовремя. Но сложный лабиринт из трещин у выхода из раздевалки всегда представлялся ей особенно сложным испытанием.

К счастью, дальше пол коридора покрывали большие квадраты белого и черного линолеума, которые не требовали таких способностей к акробатике, как раздевалка.

Прыгая с одного белого квадрата на другой, она буквально чувствовала на губах вкус облегчения, ведь дверь спортзала уже находилась в нескольких десятках сантиметров от нее. Но тут несколько игроков из команды по американскому футболу вывалились из раздевалки для мальчиков, одетые в спортивную форму, и среди них Джастин, тот дюжий парень, который первым свалил с занятия по групповой терапии.

Торопясь пройти через зал, они толкнули Гэби, отпихнув ее точно на черный квадрат.

Этого нельзя было допускать.

Но если кто-то из парней и понял, какую катастрофу учинил, они этого не выдали. Никто из них даже не оглянулся, когда Гэбби начала пробираться обратно в раздевалку.

* * *

У Джастина Диаза был дерьмовый день.

Во-первых, какой-то идиот целую вечность грузил свой велосипед в автобус, из-за чего Джастин получил выговор за опоздание на первый урок. В довершение к этому, спеша на урок, он столкнулся с мистером Уинкоттом, который облил кофе всю рубашку Джастина. Если бы, ударив учителя, он не рисковал быть вышвырнутым из школы, Джастин вбил бы путаные извинения Уинкотта кулаком прямо ему в лицо.

Потом ему пришлось разбираться с этой тупой групповой терапией. Кого в этом мире вообще могло удивить, что мама Джастина разуверилась в нем? Он знал это еще до того, как пошел в детский сад.

А теперь он опоздал на силовую тренировку по милости полуглухой учительницы английского, которая продолжала бубнить про «Ночь нежна»^[1], потому что не услышала звонка.

Но его раздражение достигло пика, когда он вошел в наполненный затхлым воздухом тренажерный зал и увидел, что их тайт-энд^[2] Адам Додсон раньше него занял место на

тренажере для жима ногами. Все знали, что Джастин предпочитает начинать с этого упражнения.

Сжав кулаки, Джастин обошел остальных товарищей по команде и приблизился к стойке с гантелями. Он, не напрягаясь, взял пару тяжелых весов и начал делать упражнения для бицепсов. Его раздражение росло с каждым движением.

— Эй, парень, — прохрипел его приятель Грег Хинденберг, Хинди, с усилием сгибая руку в очередной раз. Его лохматые светлые волосы прилипли к лицу.

Хинди был сантиметров на тридцать ниже Джастина, как и большинство игроков в команде. Джастин всегда был самым высоким и сильным в своем классе, из тех, кого родители других детей всегда принимали за шестиклассника, когда он учился еще в третьем классе. Его рост производил чертовски устрашающее впечатление, когда они выходили на поле, и это было одной из причин, почему из него получался такой улетный защитник.

Джастин кивнул Хинди, не отрывая взгляда от Адама, который по-прежнему оккупировал тренажер для ног. Наконец, после невыносимо долгих десяти минут, Адам встал и Джастин быстро отвернулся, чтобы водрузить веса на стойку.

Но он сделал это недостаточно быстро. Их квотербек^[3] Майк Сильвестри метнулся к тренажеру и уже подстраивал его под себя. Жар залил щеки Джастина, когда он подошел к Сильвестри и сердито встал рядом с ним.

— Я собирался его занять, — сказал Джастин.

Сильвестри пожал плечами.

— Какая досада, парень. Будешь после меня.

Сильвестри, может, и был хорошим квотербеком, но все знали, что без Джастина команда не стала бы непобедимой.

— Я так не думаю, — отрезал Джастин. Он не сдвинулся с места.

Сильвестри встал, чтобы посмотреть на него.

— В чем проблема? — спросил он. — Не можешь просто подождать своей очереди?

Волна ярости пронеслась по телу Джастина, и он отвел назад кулак, а затем направил его в челюсть Сильвестри. Он нанес только один удар, но чувство освобождения принесло облегчение всему его телу. На короткий момент в памяти всплыла сегодняшняя встреча. «Социопатическая склонность к насилию», — сказали они.

Скорее, «кругом одни идиоты, которым нужно преподать урок».

Он снова занес кулак, чтобы для верности нанести еще один удар, но тут почувствовал, как две руки, огромные, как медвежьи лапы, оттаскивают его назад.

— Джастин! Хватит! — приказал тренер Брандт, отвечающий за подготовку защитников. Тренер Брандт, обладающий телосложением дровосека, был, пожалуй, единственным человеком в помещении, кто мог справиться с Джастином с помощью грубой силы.

Он оттащил Джастина в маленький кабинет, пристроенный к тренажерному залу, и закрыл дверь, как только они оба оказались внутри.

— Присядь, — спокойно сказал Брандт. В отличие от других тренеров, он никогда не терял самообладания. — Что произошло?

Джастин уклончиво пожал плечами.

— Сильвестри опьянел от власти с того момента, как стал квотербеком.

— И потому ты ударил его в лицо? Ну же, ты знаешь, что не должен такого допускать, — ровным голосом ответил тренер Брант. — Даже если это правда.

Джастин позволил себе тень улыбки.

Тренер Брандт устроился в потрепанном кресле из черной кожи, озабоченно нахмурил лоб.

— Еще что-то есть на душе? Дома все в порядке?

Он спросил это небрежно, но Джастин знал, на что он намекает. Тренер Брандт работал в школе только с этого лета, но история о дерьмовой жизни Джастина уже дошла и до него.

— Ага, — быстро пробормотал Джастин.

— Знаешь, мои отношения с родителями нельзя назвать великолепными. Мой папа ушел, променяв нас на новую семью, и никогда даже не беспокоился...

— Все в порядке, — перебил его Джастин. Хотя он был слегка заинтригован откровением о том, что тренер Брандт тоже вырос без отца, Джастин понимал: тот ожидает, что он ответит тем же и поделится собственными чувствами. А этого не будет.

— Я могу идти?

В понедельник утром Зи проснулась в своей слишком большой кровати с балдахином на четырех столбиках (выбранной ее матерью), чувствуя пронзительный звон в ушах.

Потом в одно мгновение стало совершенно тихо.

Интересно, смогу ли я убедить маму и папу купить мне яхту?

Зи яростно потрясла головой, и все снова вернулось в норму. Ее взгляд метался по комнате, пока она пыталась понять, что только что случилось. Почему этот вопрос пришел ей в голову? Она не просила родителей что-нибудь купить ей с тех пор, как ей исполнилось девять и они отказались покупать ей удава. А яхта? Это ведь символ именно того типа буржуазной потребительской культуры, к которому она испытывала отвращение.

Эти размышления продолжали беспокоить девушку, пока она натягивала свой обычный наряд, черный с ног до головы, и свое единственное украшение — уйму браслетов с символикой музыкальных клубов, в которые она ходила с Джаредом. Довершил наряд потрепанный черный худи, который она носила уже не один год, такой привычный и успокаивающий, будто она укутывалась в любимое одеяло. Зи все еще не привыкла к тому, каким прохладным бывает утро в Колорадо — их предыдущий дом находился на юге Флориды, где температура редко опускалась ниже двадцати одного градуса.

Зашнуровав черные армейские ботинки, она вышла в длинный сводчатый коридор, который тянулся через весь второй этаж их внушительного дома, отделанного в стиле французского барокко и набитого антиквариатом, привезенным матерью из Европы. Каждый раз, когда семья Зи переезжала, мать выбирала для очередного дома новую тему.

На развилке коридора Зи свернула направо, к черной лестнице. Хотя так идти на кухню было дольше, этот маршрут позволял ей не проходить мимо комнаты Скотта. Тот факт, что в течение девяти месяцев они сидели в одной утробе, еще не являлся достаточным основанием для тесной связи между ними, которой многие ожидали. Скотт и Зи были противоположностью друг другу во всем. Многие годы отец Зи любил рассказывать историю о том, как он купил ей и Скотту одинаковые мини-кабриолеты BMW в подарок на трехлетие. Скотт сразу же запрыгнул в свою машину и пустился развезать по тщательно подстриженным лужайкам рядом с их исторически достопримечательным домом в Коннектикуте. Зи окинула автомобиль безразличным взглядом и продолжила играть с коробкой, в которой его привезли, представляя, будто это дом.

— Один из них уже знает толк в изысканных вещах, а другая хочет жить как бродяга, в коробке у шоссе, — рассказывал папа любому, кто заходил к ним. Зи часто задумывалась, действительно ли она и Скотт были полной противоположностью от рождения или замечания вроде этого заложили базу для различий на всю жизнь и каждый из них стал исполнять ту роль, которой от него ожидали. Впрочем, это все равно неважно. Так или иначе, ущерб нанесен и Зи с трудом могла вытерпеть пребывание в одной комнате с братом.

Но войдя в отделанную серым камнем кухню, размерами напоминающую кафе, она обнаружила, что Скотт уже там. Он уселся на одной из кухонных табуреток, устроив ноги на огромном гранитном центральном столе, как будто правила этого дома его совершенно не касались.

Отец сидел за большим круглым столом, на котором был накрыт завтрак. Держа в руках *Wall Street Journal*, он поглощал омлет с ветчиной и сыром, приготовленный для него

домработницей Луизой.

— Доброе утро, Зельда, — сказал он гулким голосом. Обычно к этому времени утром отец уже был на строительной площадке того торгового комплекса, над которым работал в данный момент. Но из-за всей этой чепухи с заградительной красной лентой, возникшей после убийства Лили Карпентер, был вынужден бездельничать, что давалось ему с невероятным трудом. Как раз прошлым вечером Зи слышала, как он орал в телефонную трубку на своих адвокатов, хотя сегодня утром по нему вряд ли можно было сказать, что его хоть что-то в мире волновало. Это было ему свойственно — он умел быть общительным, харизматичным, даже компанейским, но мог и совершенно неожиданно измениться.

Зи добралась до кофеварки эспрессо (возможно, единственный предмет роскоши, который она признавала) и начала молоть кофе, вполуха слушая разговор между отцом и братом.

— Скотт, в этом году в этом нет никакого смысла, — сказал отец.

— Но, папа, может, ты смог бы просто как-то списать это в убытки. По крайней мере, топливо.

Что-то в его словах словно вызвало вспышку в подсознании Зи.

— О чем вы говорите? — спросила она.

— Скотт пытается убедить меня купить яхту, — ответил отец, открывая деловой раздел журнала.

У Зи внезапно волосы на затылке встали дыбом. Мысль, которая пришла ей в голову раньше, вовсе не была ее собственной.

Это была мысль Скотта.

* * *

В тот же день, немного позже, Эндрю подходил к двери кабинета математики, с трудом борясь с тошнотой. Ему казалось, что ее причина вовсе не в гриппе и не в кишечной инфекции. На самом деле сегодняшнее утро оказалось удивительно безболезненным. Резкая боль в ноге прошла среди ночи, а сильное сердцебиение, которое отравляло ему вчерашний день, больше не чувствовалось. По крайней мере, пока.

Он был почти уверен, что чувствует тошноту исключительно из-за боязни войти в кабинет мистера Гринли. Какими колкими замечаниями мистер Гринли при всех осыплет его сегодня? Каждый день Эндрю говорил себе, что Гринли не сможет унижить его сильнее, чем раньше. И каждый день оказывалось, что он ошибался, потому что мистер Гринли, как, похоже, и все остальные, уже считал Эндрю совершенно безнадежным.

Эндрю по-прежнему помнил год и даже месяц, когда все распалось на части. Четвертый класс, апрель. Конечно, болел он и раньше. Во втором классе он четыре недели болел чесоткой, после чего его кожа долго оставалась красной и исцарапанной. В третьем классе он простудился рекордное число раз — пять, и одна простуда переходила в другую, в результате чего он оказался прикованным к постели почти всю зиму. Но ему всегда удавалось догнать своих одноклассников — может, потому, что во втором классе не проходили ничего слишком уж сложного, или из-за того, что учителя просто жалели его, ребенка, чей отец умер от сердечного приступа, когда сыну едва исполнилось три года.

Но в четвертом классе все изменилось. Эндрю упал с качелей на игровой площадке,

травма привела к хронической боли в пояснице, из-за которой он не мог сидеть на месте и концентрироваться на чем-то. Пока он не ходил в школу, миссис Стрэндквист, миловидная преподавательница, выглядевшая один в один как Белоснежка, начала объяснять классу дроби. И когда Эндрю наконец вернулся, было уже неважно, насколько сильно он старался найти смысл в загадочных цифрах, — все равно невозможно было заставить свой мозг понять их. Миссис Стрэндквист поначалу пыталась помочь ему. Она даже занималась с ним отдельно, на переменах, уверенная, что все, что ему нужно, — это немного дополнительного внимания. Но в конце концов, по мере того как его пропуски занятий и пробелы в знаниях накапливались, она потеряла надежду и перестала пытаться. Может, это и был первый раз, когда его сочли Пропащим? И определенно не последний.

И с того момента каждый школьный год походил на предыдущий. С первой секунды, когда он входил в класс в начале сентября, Эндрю уже был отстающим, потому что никогда на самом деле не усваивал того, что должен был выучить в прошлом году. Некоторые учителя оказывались более жестокими и привлекали внимание всего класса к его неполноценности. Тот же мистер Гринли определенно относился к этой категории: он взял Эндрю на прицел с самого первого дня и никогда не упускал случая высмеять его. С точки зрения Эндрю, учитель зря тратил время, отпущенное на урок, но никто не упрекал мистера Гринли за это.

Эндрю навалился на парту, и мистер Гринли, прищурившись, бросил на него презрительный взгляд из-за своих очков.

— Мистер Форман, спасибо, что удостоили нас своим присутствием. Надеюсь, сегодня вам удастся остаться с нами до конца урока.

Несколько учеников фыркнули, а мистер Гринли позволил себе слегка улыбнуться.

— Я хотел бы знать, как, по вашему мнению, вы собираетесь написать завтрашний тест, учитывая, что вы пропустили так много материала?

Пройдя между партами, он подошел к Эндрю.

— И особенно с учетом того, что вы ничего не сделали, чтобы попытаться исправить ситуацию.

Эндрю сидел молча, вытирая вспотевшие руки о штаны. Ощущение несправедливости внезапно пронзило его. Он знал, что на самом деле мог бы учиться лучше, чем сейчас, и не его вина, что тело не хотело ему в этом помочь.

— Вы надеетесь, что все устроится как по волшебству? — спросил Гринли.

Эндрю не знал, что ответить, поэтому просто продолжил рассматривать парту, ощущая, как преподаватель нависает над ним, и тут внезапно прозвенел звонок.

— Очень хорошо, — сказал мистер Гринли, отчаявшись добиться чего-то от Эндрю в данный момент, и вернулся на свое место перед классом.

— Давайте продолжим повторение. Начнем с решения систем уравнений методом подстановки.

Он приглушил свет, и первая порция задач из его презентации высветилась на белой доске.

Эндрю поднял взгляд, готовый к тому, что его охватит привычное чувство растерянности, но вместо этого уравнения буквально раскрылись перед ним.

Если он найдет y во втором уравнении, тогда, подставив это значение в первое уравнение, он сможет найти значения x и y . Ему даже не понадобился черновик. Логика стала такой ясной, что он смог решить задачу в уме. Он почувствовал, что его рука взлетела в воздух, как наполненный гелием воздушный шарик.

Мистер Гринли, демонстративно вздохнув, поднял взгляд на учеников, которые старательно писали в тетрадях, пытаясь найти x или y .

— Нет, Форман. Тебе нельзя выйти из класса, чтобы пойти к медсестре.

— Я знаю ответ, — выпалил Эндрю. — X равен семнадцати, а y — двадцати шести.

Он даже не испытывал беспокойства. Он знал, что ответ верен. Он чувствовал это нутром. Единственное, что его смущало, — он не понимал, почему никогда не видел этого раньше.

— Это... правильно, — ошеломленно констатировал мистер Гринли. Эндрю покраснел от гордости, а мистер Гринли, прищурившись, спросил:

— А что вы станете делать, если я добавлю третье уравнение?

Он написал на доске три уравнения, пока класс в тишине наблюдал за ним.

Ферн Гордон, примерная отличница с первого ряда, подняла руку.

— Я думала, мы начнем решать системы из трех уравнений только на следующей неделе...

— Я просто хочу посмотреть, насколько хорошо в них разбирается Эндрю, — перебил ее мистер Гринли. — Раз уж это внезапно оказалось для него так легко. — Произнося последнее слово, он пальцами изобразил в воздухе кавычки, будто намекая, что Эндрю сжульничал.

Эндрю изучил написанное на доске, снова ничего не записывая, наблюдая, как переменные свободно перемещаются в его сознании.

— X равен четырнадцати, y равен двадцати трем, а z равен четырем.

Мистер Гринли скрестил руки на груди.

— Неверно. Z равен *минус* четырем.

Эндрю еще раз изучил уравнения на доске.

— Проверьте свои расчеты, мистер Гринли. Думаю, вы забыли применить умножение на минус один к обеим сторонам уравнения.

Мистер Гринли опустил взгляд в свои заметки, и краска залила его лицо, когда он осознал свою ошибку. Класс начал перешептываться, оглядываясь на Эндрю, который расслабленно сидел на стуле, вытянув длинные ноги в проход.

Мистер Гринли подошел к нему:

— Что здесь происходит?

На лице Эндрю мелькнула кривая ухмылка:

— Думаю, все устроилось как по волшебству.

* * *

После школы Зи прогуливалась вместе с Джаредом по коридорам, не в состоянии сконцентрироваться на том, что он говорит, и пытаясь осмыслить произошедшее с ней сегодня.

Хотя утренний эпизод со Скоттом и с мыслью о яхте показался ей жутковатым, она попыталась списать этот случай на телепатию между близнецами — об этом она однажды читала. Раньше у них со Скоттом никогда не было подобной связи, но как еще можно объяснить такое совпадение?

Потом, за обедом, именно тогда, когда Зи удалось выкинуть этот случай из головы, звон

в ушах вернулся, да так, что она чуть не свалилась со стула.

Если меня не стошнит этой пиццей в течение ближайших пяти минут, она отложится прямо на моих бедрах и я никогда не влезу в свой костюм.

Зи вскинула голову, оторвавшись от вегетарианского бургера, и стала оглядываться по сторонам, пока, наконец, не заметила стол напротив, за которым сидела компания из школьного театра. Будто в замедленной съемке, Зи увидела, как стройная, словно тростинка, Линдси Сингер откладывает в сторону корочку пиццы и, извинившись, выходит из-за стола.

Что это может быть? Почему это происходит? Она действительно слышит мысли других людей? Или все это как-то происходит у нее в голове? Ранний признак шизофрении?

Но приток новой энергии, охвативший ее, казался позитивным — сильный контраст с тем чувством безнадежности, с тем мертвым грузом, который она обычно таскала в себе. Ей это понравилось. Насколько вообще Зи могло что-то понравиться.

— Так что, хочешь прямо сейчас? — спросил Джаред, заправляя за ухо спутанную прядь волос.

— М-м, нет, — ответила Зи. Она понятия не имела, о чем говорил Джаред, но что бы это ни было, оно ее совершенно не интересовало. Она должна была догадаться, какого черта с ней происходит, и определенно не собиралась обсуждать это с Джаредом. Он решит, что девушка сошла с ума, что вполне могло оказаться правдой. Но она хотела выяснить это сама.

Группа учеников протолкнулась через двойные двери в конце коридора и, гогоча, рассыпалась по коридору, дурашливо пихая друг друга. Зи закатила глаза, увидев, что ее брат в центре внимания. Как обычно.

Но звон в ушах появился снова.

Скотт Чепмэн такой сладкий. Я так его хочу.

Желудок Зи сжался, и ее чуть не вырвало на истертый белый пол старшей школы Седар-Спрингс. Она определенно не думала о том, что ее брат «сладкий», но от этого мысль, которая проникла в ее сознание, не стала менее отталкивающей.

Джаред странно посмотрел на нее:

— Что с тобой?

— Мне надо идти, — запинаясь, пробормотала она, резко повернулась и зашагала прочь. К счастью, он не последовал за ней.

Девушка завернула за угол, едва не сбив с ног низкорослого первокурсника, и заметила в толпе десятиклассников Гэбби Даль, которая стояла у своего шкафчика. Вид у нее был недоуменный.

Зи не собиралась рассказывать о своей способности читать мысли, что бы это ни было, четверем другим ученикам, которых вызвали на сеанс терапии на прошлой неделе. Другим неудачникам. Но как только она увидела Гэбби, слова Патриции эхом отозвались у нее в голове.

У меня есть предчувствие, что в течение следующих нескольких дней вы будете нуждаться друг в друге.

Может ли та бессмысленная встреча иметь ко всему происходящему какое-то отношение? Это было единственное событие, выходящее за пределы обыденного, за последние несколько дней. Единственное отклонение от обычного распорядка Зи, который состоял из избегания своей семьи, прослушивания музыки с Джаредом и ожидания, когда кончится учеба в старшей школе.

Зи сменила направление и двинулась к Гэбби. Есть ли шанс, что она испытывает то же,

что и Зи? Это было крайне маловероятно, но Зи действовала безрассудно.

— Гэбби, — сказала Зи и затаила дыхание. Гэбби едва не подпрыгнула, напуганная ее вторжением. Прежде они никогда не говорили друг с другом, хотя Зи, конечно, замечала ее. А кто не замечал? Отчасти именно это делало Гэбби как раз тем человеком, с которым Зи могла заговорить. Для Зи было не так мучительно раскрыть свое недавнее состояние перед Гэбби, у которой так много собственных проблем, что она вряд ли вправе кого-то осуждать.

— Привет, — тихо сказала Гэбби. Если ей и показалось странным, что Зи случайно проходила мимо ее шкафчика, она не подала виду. Казалось, что она ожидала Зи.

— Привет, — произнесла Зи, не зная, с чего начать. Может, броситься вперед очертя голову?

— С тобой не происходит ничего... ну... странного?

Сердце Зи быстро забилося, пока она ожидала ответа. Если ответ будет отрицательным, Зи придется признаться, что у нее большая проблема, которая, вероятно, вскоре станет еще больше.

Гэбби прикусила губу, будто пытаясь убедить себя ответить честно.

— Мне ты можешь сказать, — подтолкнула ее Зи.

Гэбби кивнула.

— Да.

Зи глубоко вдохнула.

— Нам нужно поговорить.

Гэбби окинула взглядом многолюдный коридор.

— Не здесь.

Гэбби проследовала за Зи в небольшой лесок за школой. Там пролегла походная тропа, которую часто использовала команда Седар-Спрингс по кроссу, но Зи быстро свернула с этого пути, пройдя мимо пересохшего оврага, где собирались школьные наркоманы. Гэбби никогда раньше не забиралась так далеко в лес и отчасти верила во все страшилки об этих местах. Однако теперь ее пугали вовсе не призраки. Ее пугал убийца, разгуливавший на свободе. Листва вокруг них становилась все гуще, и Гэбби не могла не думать о Лили Карпентер, убитой в своей хижине глубоко в лесу, когда рядом не было ни души, чтобы ей помочь. Но как бы сильно это не заставляло ее нервничать, она хотела поговорить с Зи — а в школе это было невозможно.

Зи сворачивала то налево, то направо, обходя массивные деревья, и сосновые иголки хрустели у нее под ногами. Продираясь через лес в попытке не отстать, Гэбби осознала, что перестала считать шаги. Но вместо того, чтобы поддаться панике, она продолжала идти. Она ожидала, что вот-вот на поверхность поднимутся ужасные мысли, те, которые появлялись всегда и говорили ей, что *случится что-то плохое*, если она не сделает все точно так, как надо. Но прямо сейчас не случилось ничего.

Ей придется добавить это к непрерывно растущему списку необъяснимых вещей, произошедших сегодня.

Они дошли до скрытой за кедрами груды валунов. Зи остановилась и взгромоздила свое долговязое тело на верхушку одного из камней. Листья над головой заслоняли солнечный свет, и Гэбби вздрогнула, ощутив на коже дуновение холодного воздуха.

— Так вот, это начинается с громкого звона у меня в ушах, — начала Зи, пристально глядя на Гэбби. — А потом мне будто приходит в голову мысль. Но это не *моя* мысль. Верно? Так и с тобой происходит?

Гэбби озадаченно нахмурилась.

— Что ты имеешь в виду? Чья это мысль?

— Чья-то еще. Например, сегодня утром это была мысль моего брата. В других случаях я не уверена. — Зи нахмурилась. — Я думала, ты сказала, что это случается и с тобой.

Гэбби покачала головой.

— Не такое. Дело не в том, что я что-то слышу. — Она с опаской посмотрела на Зи, не зная, как это прозвучит, когда она выскажется вслух. — Я что-то *вижу*.

Зи села прямее, ее глаза расширились.

— Что, например?

Гэбби немного помолчала, пытаясь подобрать точные слова для описания происходящего, но ей было сложно внятно объяснить то, чего она сама не понимала в полной мере.

— Дай мне проверить, смогу ли я проделать это снова. Я не уверена, как это работает, но...

Гэбби подошла к камню, на котором сидела Зи, и присела на корточки, плотно прижав руки к принадлежавшей Зи большой сумке через плечо, сделанной из черной ткани. Она закрыла глаза, ожидая, что на нее снова снизойдет испытанное ранее ощущение, но ничего не произошло.

— Что ты делаешь? — нетерпеливо спросила Зи.

— Дай мне попробовать что-нибудь еще, — пробормотала Гэбби, ощущая растущее разочарование. Она не была уверена, что именно нужно делать, чтобы это, *что бы это ни было*, произошло снова. — Можно мне на секундочку открыть сумку?

Зи кивнула, и Гэбби начала копаться в содержимом сумки. Она вытащила из нее учебник химии и торопливо пролиставала страницы. Ничего.

— Я уверена, что это случилось раньше.

Внезапно что-то пришло ей в голову.

— Может, что-то из твоей одежды.

Гэбби неуверенно протянула руку и коснулась потрепанного края черной толстовки Зи. В ту секунду, когда ее пальцы дотронулись до мягкой ткани, она плотно зажмурила глаза.

Сначала видение было туманным, но Гэбби расслышала музыку. Грохочущую. Яростную. Когда она зажмурила глаза еще сильнее, изображение стало более ярким, почти как в кино. Она увидела худую девочку-подростка, может, лет четырнадцати, в той же черной толстовке, сидящую на двуспальной кровати из кованого железа. Зи, только младше, еще до того, как подстриглась под машинку, держала в руке маленький пузырек с таблетками. Комната выглядела так, будто сошла с журнальной фотографии. Вся отделка была выдержана в мягких оттенках синего и серого, что резко контрастировало с жестким звучанием музыки. В углу комнаты стоял большой шкаф, а в нем за стеклом разместилось множество жутковатых викторианских кукол, глядевших наружу широко открытыми глазами. Зи открутила крышку пузырька. В окне у нее за спиной виднелась верхушка памятника Вашингтону. Девочка вытряхнула на тумбочку двенадцать таблеток, на мгновение замерла, а затем сгребла их в горсть и проглотила, запив несколькими глотками воды. Потом взяла еще одну горсть и выпила их тоже. И еще одну. Наконец, она легла на кровать и закрыла глаза. На этом видение и закончилось, поглощенное темнотой, как в финале кинофильма.

Гэбби открыла глаза, ее сердце бешено колотилось.

Хотя ей хотелось убедить себя, что видение — продукт ее воображения, она уже понимала, что только что стала свидетелем момента из личной жизни Зи.

— Что-то случилось? — Зи посмотрела на нее. — В чем дело?

— Я кое-что видела, — сказала ей Гэбби. — Словно вспыхнуло на мгновение. Видение о тебе.

— Обо мне?

— Да. Ты была младше — должно быть, это происходило несколько лет назад. В Вашингтоне.

Зи удивленно посмотрела на нее.

— Раньше мы жили там.

Гэбби кивнула, удивленная не так уж сильно. Видение было слишком живым, чтобы оказаться ложным. Вопрос состоял в том, почему это вообще случилось.

— Ты сидела на кровати в сине-серой комнате. И там было полно старых кукол...

— Именно так моя комната тогда и выглядела, — подтвердила Зи. — Мамин дизайнер убедил ее, что эти жуткие куклы отлично подходят для моей детской. Между тем я всегда каменела от ужаса при мысли, что однажды они оживут и разрубят меня на миллион кусочков.

— Именно так они и выглядели, — согласилась Гэбби.

— Так что... ты просто *видела* это? Вроде видения? — Зи посмотрела на нее с любопытством.

— Ага. Будто кино смотрела.

— Что еще ты видела?

— Это все, — быстро сказала Гэбби. Она не могла заставить себя рассказать, что видела, как Зи пыталась покончить с собой.

— Но это уже случилось с тобой и раньше? Таким же образом?

Гэбби кивнула. Слова торопливо рвались наружу после того, как были заперты у нее внутри целый день.

— Этим утром. Я была в отделении естествознания, шла в класс и чуть не споткнулась о лежащий на полу шарф. Я подняла его, и со мной случилось это... видение, как сейчас с тобой. Сначала я видела нечетко, но потом смогла разобрать, что стою посреди магазина Kohl's, того, что неподалеку отсюда, рядом с Brooks, и держу в руках тот же самый шарф. Но, посмотревшись в зеркало, я увидела, что это не я, а Ханна Фэлпс.

— Кто такая Ханна Фэлпс? — спросила Зи, кусая ногти.

— Девочка из моего класса. — Гэбби не стала упоминать, что раньше Ханна была одной из ее лучших подруг и что она сама когда-то проводила немногие бесценные свободные дни вместе с Ханной в том же самом супермаркете.

— И вот что еще. Сейчас я была, скорее, отстраненным наблюдателем, а в тот раз я будто смотрела на все с точки зрения Ханны, словно находилась в ее теле. А потом оба раза через несколько секунд картинка просто растворилась.

— И ты точно знаешь, что это был ее шарф?

— Ага. Позже я увидела ее в столовой и вернула шарф. Я сказала, что видела его на ней. — Ханна легко приняла это объяснение, и Гэбби почти поверила в него сама.

Почти.

— Как ты думаешь, что с нами происходит? — спросила Гэбби. — Думаешь, мы обе просто...

— Сходим с ума? — закончила Зи, и Гэбби почувствовала облегчение оттого, что ей не приходится самой произносить эти слова. — И случайно совпало, что в одно и то же время? Не знаю...

— Это никогда не случилось с тобой раньше?

— Никогда. Мне приходила в голову куча безумных мыслей, но они всегда были моими собственными.

Зи и Гэбби согласно переглянулись, осознав, что им одновременно пришла в голову одна и та же мысль.

— Думаешь, с кем-то еще с того сеанса групповой терапии происходит то же самое? — спросила Гэбби голосом, в котором она с трудом признала свой собственный.

Зи серьезно посмотрела на нее.

— Не знаю, но нам нужно выяснить.

* * *

Тем вечером Сабрина была занята мытьем посуды в тесной кухне квартиры, где жила ее семья. Кремовая плитка, шкафы из темного дерева и выцветшие обои цвета красного вина отчаянно требовали ремонта, но ее мать вряд ли была в состоянии его осилить. Когда-то дом был уютным и теплым, а аромат японского бульона даши смешивался с опьяняющим запахом

любимого стейка отца. Однако в течение последних шести лет, сколько бы свечей Сабрина ни зажигала и сколько бы окон ни открывала, чтобы впустить воздух, ей никогда не удавалось избавиться от запаха затхлости, запаха грусти. Она покосилась на свечу с ароматом кедра и корицы, купленную на прошлое Рождество у Лили Карпенгер, женщины, которую убили неизвестно почему. С того момента Сабрина опасалась зажигать эту свечу, как будто та могла каким-то образом распространить вокруг себя невезение.

Она снова сосредоточилась на посуде, моя очередную тарелку горячей водой. Хотя Сабрина больше не пыталась заботиться о родителях, мытье посуды ее успокаивало. Когда ее брат Энтони был еще жив, послеобеденная уборка относилась к числу их совместных обязанностей. Он собирал всю посуду в раковину, она протирала стол, а потом они вместе все мыли и вытирали насухо, используя это время, чтобы по-настоящему поговорить — звук разговора тонул в шуме воды, так что родители не могли ничего услышать. Энтони рассказал Сабрине о кожаной куртке, подаренной ему на день святого Валентина Энджи, первой девушкой, которая ему *по-настоящему* понравилась. Она рассказала брату об идиоте преподавателе, который однажды в пятом классе заставил ее остаться в кабинете, когда они препарировали осьминога, хотя Сабрину из-за этого стошнило и все насмеялись над ней остаток дня. Эндрю был на пять лет старше Сабрины, но всегда обращался с ней как с равной.

Она никогда не ела за одним столом с родителями с тех пор, как шесть лет назад пьяный водитель протаранил машину Энтони в лобовом столкновении. Но Сабрина по-прежнему выполняла свои обязанности каждый день. И дело заключалось не только в том, что родители были неспособны справляться с элементарными задачами. Просто эти действия помогали ей чувствовать, что брат рядом.

Она соскребла остатки еды с тарелки, отложив их для Рокета, их немецкой овчарки, на которую родители обращали почти так же мало внимания, как и на Сабрину. Но внезапно она замерла, почувствовав что-то странное. Обычно в этот ночной час острое ощущение пустоты в доме заставляло ее пойти покопаться в сумке, чтобы достать клонопин, припрятанный там ранее. Но сейчас по какой-то причине желание заняться самолечением притупилось. Фактически оно полностью отсутствовало.

Осознание этого так сильно озадачило ее, что она не услышала, как вошел отец. Как и Сабрина, Даг Росс был рослым и симпатичным, но напряжение последних нескольких лет оставило так много новых морщин на его темной коже, что он выглядел на десяток лет старше, чем был на самом деле.

— Я ненадолго вернусь в офис, — сказал он, проходя мимо дочери, не ожидая ответа и не рассчитывая на него. В течение последних двух лет он начал воспринимать дом по большей части как склад, ненадолго заходя сюда в промежутках между работой и свиданиями с женщинами, которых использовал, чтобы отвлечься от домашней обстановки. Думал ли он, что она об этом не знает?

— Да уж, конечно, вернись, — с сарказмом бросила Сабрина ему в ответ.

Реплика Сабрины удивила ее саму так же сильно, как и отца, который посмотрел на нее так, будто она заговорила на иностранном языке. Сабрина никогда не задавала отцу вопросов и не высказывалась насчет его непредсказуемых блужданий туда-сюда. Она давно приняла обстоятельства своего существования, резкий поворот, который произошел в их жизни после той ночи, когда Энтони попал в аварию. Отец не хотел, чтобы Энтони отправлялся на вечеринку той ночью. Мать, как обычно, милая, веселая и жизнерадостная, считала, что

пойти стоит. И с той минуты, когда в дверях их дома в два часа ночи появился офицер полиции, сожаление и обвинения разрывали их брак. Было нелегко жить с отцом, который одной ногой всегда стоит за дверью, и мать, одурманивающей себя лекарствами практически до коматозного состояния. Однако Сабрина думала, что достигла той точки, когда может просто отстраненно наблюдать за всем происходящим. Должно быть, тот сеанс групповой терапии поднял на поверхность подавленную волну гнева, который она до сих пор носила в себе, не осознавая этого.

Отец покрутил в руке ключи от машины.

— Сабрина, зачем тебе эта перепалка со мной?

— Я просто не понимаю, зачем ты вообще утруждаешь себя возвращением домой, — ответила Сабрина. Она размышляла над этим уже не один год, но старалась спрятать на задворках сознания то, о чем не хотела, отказывалась думать.

— Нам обязательно обсуждать это сейчас? — резко спросил отец.

— Забудь, — тихо ответила она.

— Я опаздываю, — сказал отец и вышел из дома.

Как только дверь шумно захлопнулась за ним, телефон Сабрины завибрировал — пришло сообщение. Она с удивлением увидела, что оно от Гэбби, той девочки с пугающе сильным ОКР^[4]. И оно было адресовано не только ей — она отправила его всем, кого собрали на тот сеанс групповой терапии.

Это Гэбби. Нужно встретиться.

У флагштока, до школы. Это важно.

Что Гэбби могла счесть таким срочным? Вместо ответа Сабрина взяла в руки последнюю грязную тарелку. Она уже собиралась включить горячую воду, как вдруг ее обдало таким сильным порывом холодного воздуха, что она вздрогнула. Она посмотрела на свои руки, и ее окатила еще одна волна холода, от которого кожа покрылась мурашками — на ее руках они выглядели как чешуйки. Она взглянула на два окна над раковиной — закрыты и заперты. В любом случае этот холод не был похож на порыв ветра. Казалось, будто кто-то направил поток воздуха от кондиционера прямо на нее.

Она подошла к кухонному столу, чтобы взять свитер, но тут три лампочки над столом начали мигать, а затем раздалось три хлопка. Лампочки лопнули одна за другой.

Теперь, дрожа в темноте, Сабрина ощутила кое-что еще.

Она была не одна.

Ее сердце забилося так быстро, что ей стало больно.

Она услышала его раньше, чем увидела.

— Привет, Бини.

В мире был только один человек, который называл ее Бини. Энтони. Ее брат.

Ее погибший брат.

Она неуклюже попыталась включить фонарик на телефоне. Но прежде, чем ей это удалось, она увидела то, из-за чего у нее перехватило дыхание.

Брат стоял перед ней, на его коже по-прежнему не было ни царапины, и она почти светилась. Взгляд его угольно-черных глаз впивался в нее.

— Тебе следует быть осторожной, Бини, — сказал он.

Она открыла рот, пытаясь ответить, но слова застряли у нее в горле.

А потом он исчез так же внезапно, как и появился.

Следующим утром Джастин торопливо пробирался сквозь суетливую толпу учеников по направлению к флагштоку в центре школьного двора. Он сердито нахмурился, когда заметил, что другие уже собрались под его колеблющейся тенью.

Эти пятеро никогда раньше не пересекались в школе — до того бесполезного сеанса групповой терапии, о котором Джастин позабыл, пока сообщение, полученное от Гэбби прошлым вечером, не подстегнуло его память. Он собирался невозмутимо пройти прямо мимо флагштока, не обращая на них внимания, но, увидев Гэбби, не смог не замедлить шаг. Сегодня она выглядела как-то иначе.

Когда он был примерно в метре от нее, она подняла взгляд и они посмотрели друг на друга. И тут его осенило. Когда она не бормотала ничего странного и не постукивала по чему попало, она и вправду выглядела привлекательной, намного привлекательнее, чем любая из чирлидерш старшей школы Седар-Спрингс.

— Может, ему все-таки стоит узнать, зачем она захотела встретиться?

— Привет, — сказал он, улыбнувшись ей, и присоединился к остальным.

Но, вместо того чтобы улыбнуться в ответ, она отвернулась. Джастин неожиданно смутился, и улыбка исчезла с его лица. Он не привык, чтобы девушки так реагировали на него.

— Так в чем дело, Гэбби? Почему ты прислала нам сообщение? — добавил он, ясно давая понять, что они впустую тратят его время.

— Это случилось и с тобой тоже? — спросила Зи, не дожидаясь ответа Гэбби.

Все они смотрели на него, и он ответил хмурым взглядом.

— О чем вы говорите?

Они стояли, будто им выключили громкость, пока не заговорила Сабрина.

— Прошлой ночью я видела моего умершего брата в своей кухне.

Джастин презрительно усмехнулся:

— Ага, из-за наркотиков бывают галлюцинации, Сабрина. Думаю, ты должна была уже привыкнуть к этому ощущению.

Судя по тому, что говорили в школе, ее сумочка могла составить неплохую конкуренцию любой аптеке.

— Я ничего не принимала, — резко ответила она. — И сейчас не под таблетками.

— Что-то случилось и со мной, — вступил Эндрю.

Джастин закатил глаза.

— Большой сюрприз. Разве не к тебе тут скорая каждую неделю приезжает?

— Нет, — возразил Эндрю. — Это не болезнь. Будто у меня внезапно открылось квантовое восприятие. Если я по-настоящему сосредоточусь на чем-то, мой мозг работает даже лучше, чем у гениев.

Только Джастин собрался сказать, что, по его мнению, *на самом деле* было не так с мозгом Эндрю, как заговорила Зи:

— И каждый из нас почувствовал облегчение с нашими... другими проблемами.

— Рад за вас. Для начала: у меня-то никаких проблем и не было. — Возмущение Джастина нарастало с каждой секундой.

Зи пристально посмотрела на него, будто не поверила.

— Ты серьезно не почувствовал ничего странного в последние несколько дней? Джастин повернулся к Гэбби, которая была полностью поглощена их разговором.

— Ты можешь сказать нам, Джастин, — мягко сказала она.

— Сказать вам что? Что я тоже мертвеца видел? — Джастин проигнорировал холодный взгляд, которым его наградила Сабрина.

— Нет, — ответила Гэбби, покраснев из-за того, что он смотрел на нее. — Но я могу... видеть кое-что. — Она сглотнула. — То, что случалось с другими людьми.

— Почему вы мне все это рассказываете, двинутые? — прорычал Джастин, пряча руки в карманы. Гэбби отшатнулась, из-за чего он почувствовал себя виноватым — но не настолько, чтобы извиняться.

— Потому что это начало происходить после сеанса групповой терапии, — нетерпеливо ответила Сабрина. — Но мы почти не говорили с теми людьми... Я не понимаю: они могли как-то на нас повлиять?

Зи шаркнула ногой по грязи.

— Может, это был гипноз.

— И мы ничего не помним об этом? — спросила Сабрина.

— В этом и есть суть гипноза, — раздраженно ответила Зи.

Джастин с сомнением покачал головой. Эти психи серьезно верят, что их загипнотизировали?

— Что еще это может быть? — спросила Зи. — Вроде они не давали нам таблеток или еще чего-то.

Эндрю вытаращил глаза.

— Держу пари, они добавили что-то в воду, которую нам дали! В те стаканы, которые стояли на партах. Это единственное разумное объяснение. И в том помещении стояла такая жарница, что я выпил весь свой стакан. А вы, ребята?

Сабрина торопливо кивнула.

— Уверена, что я тоже.

— И я, — добавила Гэбби. — Только несколько глотков, но было так жарко, что мне пришлось это сделать.

Зи закрыла глаза, будто пытаясь вспомнить.

— Почти уверена, что я тоже.

Все они повернулись к Джастину.

— Ага, и я тоже. Ну и что?

— Может, они добавили в воду какой-то экспериментальный галлюциноген, — сказала Сабрина. Джастин ухмыльнулся. Ей явно лучше знать.

— Мы должны поговорить с доктором Перл, — сказал Эндрю. — Ведь именно она оставила нам те записки. Именно она знает, кто такие Патриция и Нэш. Мы должны рассказать доктору Перл о том, что они сделали.

Сабрина повернулась к Эндрю.

— Погодите секунду. Если дело в воде, почему ничего не случилось с Джастином?

Их взгляды снова обратились к нему, и он возмущенно поднял руки.

— Да потому, что ничего не случилось ни с кем из вас! Думаете, эти два мозгоправа нас чем-то накачали? Если бы у вас действительно были эти необычные способности, вы бы смогли читать в моем сознании или подслушивать мои мысли и убедились бы, что я говорю правду.

— Может, я смогу. — Зи наклонила голову, будто пытаясь расслышать какой-то звук вдалеке. Через несколько мгновений она нахмурилась.

— Похоже, это не работает вот так, по команде.

Должно быть, это какой-то розыгрыш. Джастин подумал: а что если Хинди или еще кто-то из команды подговорил их? Этому ему только не хватало — оказаться в одной компании с этой кучкой ненормальных.

Он повернулся на пятках, когда увидел приближающуюся группу чирлидерш. Это ему подходит намного больше.

— Я убираюсь отсюда.

И он убрался так быстро, как только мог.

Пять минут спустя Зи поднималась вверх по лестнице вместе с Эндрю, Сабриной и Гэбби на второй этаж, где среди других административных помещений нашлось место и для кабинета доктора Перл. Зи, слава богу, никогда не бывала здесь раньше. По крайней мере один плюс из того, что твой отец пожертвовал целый грузовик денег школьному совету. Когда ее зачислили, родители сказали директору, что у Зи есть психолог, которому она может позвонить, если ей это понадобится, так что встречи с доктором Перл ей не нужны. Она слышала, как мать называет доктора Перл «дешевым психотерапевтом», а ее мать презирала все дешевое. Теперь оказалось, что мать по крайней мере один раз оказалась права. Этот дешевый психотерапевт, возможно, отравил ее дочь.

Когда они дошли до кабинета, дверь его была приоткрыта и голос доктора Перл доносился в коридор.

— Думаю, я могу освободить несколько часов в следующие выходные...

Внезапно она замолчала, повернулась к дверному проему и, выглянув в приоткрытую дверь, увидела четверых подростков, ожидающих в коридоре.

— Я вам перезвоню, — пробормотала она в трубку, прежде чем повесить ее.

Зи и остальные столпились в ее кабинете, тесном, мрачном и без единого окна, как Зи и ожидала. Так что если у вас не было депрессии до визита к доктору Перл, после него она непременно появится.

— Доброе утро всем, — пропела доктор Перл. Она провела пальцами по своим коротким волосам, с невозмутимым видом разглядывая ребят. — Чем я могу вам помочь?

— Что вы с нами сделали? — выпалила Зи, прежде чем кто-то другой успел ответить.

— Простите? — доктор Перл выпрямилась в своем кресле.

Сабрина бросила на Зи встревоженный взгляд.

— Нам нужно поговорить с вами о той сессии групповой терапии, — сказала она, и это прозвучало не так озлобленно, как слова Зи, что, кажется, возмутило ту еще сильнее. Когда это Сабрина успела стать совестью их группы?

— Групповой терапии? О чем вы вообще говорите? — доктор Перл выглядела искренне недоумевающей.

— В прошлый четверг, — пояснил ей Артур, — вы пригласили всех нас на сеанс групповой терапии. Вы оставили записки в наших шкафчиках. Нам четверым и Джастину Диазу.

Инстинкты Зи уже сигнализировали: что-то здесь очень не так.

— Они сказали, что вы срочно понадобились одному из учеников и не смогли прийти...

Доктор Перл перебила:

— «Они» — это кто?

— Люди, которые руководят программой психотерапии, — ответила Сабрина. — Молодой парень по имени Нэш и женщина постарше... Опять забыла, как ее звали?

— Патриция, — подсказал Эндрю. — Доктор Патриция Николс.

Доктор Перл несколько секунд рассматривала потолок.

— Позвольте кое-что прояснить, — наконец сказала она. — Я не посылала никому никаких записок в прошлый четверг. Я уезжала на окружную конференцию и не могла быть на территории школы. Меня вообще не было в Седар-Спрингс в тот день.

Зи посмотрела на остальных. Если доктор Перл не давала разрешения Патриции и Нэшу начинать программу психотерапии, то кто им разрешил?

— Нам нужно выяснить, кто были эти люди, — сказала Зи, слыша в своем голосе нотку отчаяния и ненависти себя за это. — Они послали нам всем записки от вашего имени. И с того дня, когда мы встретились с ними, стали происходить по-настоящему странные вещи.

Доктор Перл скрестила руки.

— Ладно, эта записка, которую вы якобы получили...

— Не «якобы», а получили. Она была на самом деле, — возразил Эндрю.

— Подождите, думаю, она до сих пор у меня. — Сабрина порылась в сумке и наконец выудила листок, помятый и слегка порванный из-за того, что лежал под грудой учебников.

Доктор Перл с сомнением прочитала записку.

— Должно быть, кто-то украл мои бланки... — сказала она и, приподняв бровь, окинула обвиняющим взглядом их всех, а потом пристально посмотрела на Зи. Та прикусила язык — сейчас было бы бесполезно пытаться убедить школьного мозгоправа, что она не клеptomанка.

— Вы думаете, что это сделали *мы*? — недоверчиво сказал Эндрю. — Кто-то засунул это в наши шкафчики. Зачем бы нам это подстраивать?

Доктор Перл повернулась на кресле к своему компьютеру.

— Думаю, у меня есть идея.

Несколько секунд она стучала по клавиатуре, а потом взглядела на экран.

— Ага... — Она еще раз кликнула мышкой. — Ага... ага... и да.

Наконец она снова посмотрела на них.

— Так я и думала.

— Что? — спросила Зи, и ее сердце замерло.

— Я только что проверила отметки о вашем присутствии. У всех четверых есть отметка о беспричинном пропуске занятий в прошлый четверг. Я ценю вашу креативность, но если вы надеетесь отвертеться, чтобы вас не оставили после уроков, ничего не выйдет. Зи, это твой четвертый пропуск в этом месяце, следовательно, тебя отстранят от занятий минимум на день.

Зи не стала акцентировать внимание на ироничности ситуации, когда в наказание за прогулы ее вознаградили целым днем вне школы.

— Подумайте об этом, доктор Перл. Причина, по которой мы *отсутствовали* как раз тогда, именно в том, что мы пошли на тот сеанс психотерапии.

— Мы на самом деле получили эти записки, — наконец сказала Гэбби.

Доктор Перл еле слышно вздохнула, посмотрев на девушку, и в ее темно-карих глазах проглянула тень сочувствия.

— Ну, значит, кто-то мог подшутить над тобой, Гэбби. И если дело обстоит так, мне жаль. Если вы получите еще одну такую же записку, сразу же обратитесь ко мне.

Она повернулась обратно к своему компьютеру, показав, что считает встречу законченной, и тут у Зи зазвенело в ушах.

На этот раз эти ребята действительно неизвестно что напридумывали.

— Доктор Перл... — начал Эндрю, но Зи перебила его.

— Пойдем. Это бесполезно. — Она задумчиво посмотрела на доктора Перл. — Это же психотерапевт. Она тоже считает нас безнадежными.

Джастин понимал, что просто тянет время, стоя перед открытым холодильником и изучая его скромное содержимое. Он выдвинул потрескавшийся ящик для фруктов, который так и стоял, перекосившись, с тех пор как они купили холодильник на гаражной распродаже несколько лет назад. В нем оставалось только одно яблоко, и Джастин взял его, отогнав мысль о том, что если его мать узнает, что он съел последнее, то отчитает его так, что мало не покажется. Он откусил от яблока и тут же скривился, ощутив на языке рыхлую гниль. Похоже, ему вообще не удастся перекусить.

Он плюхнулся за стол и уставился в книгу — роман «Ночь нежна», который нужно было прочитать. Приближалась полночь, а предстояло осилить еще шесть глав, если он хочет получить на завтрашнем тестировании по английскому хотя бы тройку. Это ему необходимо, чтобы, как минимум, надеяться на спортивную стипендию. Команда штата Флорида, в которую он хотел попасть больше всего, будет рассылать скаутов в поисках молодых игроков в течение следующих недель, и чтобы участвовать в отборе, ему нужно набрать хотя бы 2.0. Но он никак не мог сконцентрироваться. Каждый раз, когда он брал в руки книгу, мысли возвращались к тому идиотскому розыгрышу у флагштока, который эти ненормальные устроили, чтобы убедить его, что обладают сверхспособностями.

Ему не давало покоя, что Гэбби тоже участвовала в этом розыгрыше, или что там это было. Ему казалось, что подобные шутки вообще не в ее характере. Но как еще можно все это объяснить?

Он вскинул голову, когда услышал звяканье ключей в замке. Хотя их квартира была крохотной, ему не удалось добраться до своей комнаты размером с кладовку достаточно быстро, чтобы не попасться на глаза возвращающейся домой матери. Позапрошлой ночью, после клубной вечеринки со своими подружками, она спяну сказала Джастину, что хотела сделать аборт, когда забеременела им, но у нее не хватило денег.

— Забыла, как пользоваться ключами, детка? — донесся до Джастина приглушенный мужской голос, как раз когда открывалась дверь. Мать в ответ разразилась смехом, как будто слышала самую смешную шутку в своей жизни.

Превосходно. Мать не только пришла навеселе, но и притащила домой случайного знакомого. Они ворвались в квартиру как торнадо, натолкнувшись на кушетку у двери, небрежно сбрасывая с себя куртки и ботинки где придется. Карла выглядела усталой. Она всегда выглядела усталой, даже проспав целую ночь. Ее длинные и волнистые темные волосы прилипли по бокам к потному лицу, а тушь для ресниц размазалась. Должно быть, она опять танцевала до упаду.

Потом Карла заметила Джастина.

— Чего ты еще не спишь?

— Домашка, — проворчал Джастин.

— Хочешь пива, Трэвис? — спросила Карла у своего нового друга.

Трэвис выглядел лет на сорок, но в своих драных джинсах и «конверсах» напоминал старшеклассника.

— Однозначно, — ответил он с легким южным акцентом.

Джастин забрал со стола свою книгу, чтобы не участвовать в этой нелепой сцене. К несчастью, тощее тело Трэвиса загораживало дверь в спальню Джастина.

— Ничего не скажешь, amigo^[5]? — спросил его Трэвис, криво ухмыльнувшись. Он был белее снега, но ему почему-то казалось, что это отлично сочетается с испанскими словечками. Джастину захотелось ударить его в лицо, чтобы эта ухмылка исчезла.

Костлявый Трэвис попытался встать так, чтобы занять как можно больше места в дверном проеме и не пропустить Джастина.

— Я говорю, не хочешь сказать...

— Я тебя услышал, — ответил Джастин.

Они были одного роста и стояли в нескольких сантиметрах друг от друга. Джастин чувствовал, как от Трэвиса разит пивом. Почему он еще не вмазал ему? Он ждал, когда включится атакующий рефлекс и его руки начнут двигаться сами, но странно — сжатые кулаки оставались на своих местах.

— Ты что, не любишь своего паря^[6]? — спросил Трэвис с показушной агрессией.

— Трэвис пытается быть милым, Джастин, — отозвалась Карла от холодильника, откуда она вытащила два пива. Хотя им обоим вряд ли требовалась добавка.

— Ага, — сказал Трэвис, понизив голос так, чтобы только Джастин мог слышать. — Уверен, твоя тата имеет немало caliente^[7] в запасе, если я буду милым.

Джастин прищурился, почувствовав, как ярость прокатилась от его глаз до кончиков пальцев. Следующее, что он увидел, было то, как Трэвис вылетел в открытый дверной проем, где врезался в дверь спальни Джастина и осел на пол как тряпичная кукла.

— Какого черта, Джастин?! — завопила Карла, выпустив из рук пиво и подбегая к Трэвису.

Пристально глядя на Джастина, Трэвис с трудом поднялся на ноги.

— Я не собираюсь терпеть такое дерьмо от этого молокососа.

Он вышел, хлопнув дверью. Карла бросила на сына полный ярости взгляд и выбежала следом. Джастин смотрел на дверь, слишком потрясенный, чтобы двигаться.

Он был абсолютно уверен, что не коснулся Трэвиса и пальцем.

Как только Джастин остался один в своей комнате, он отправил сообщение Гэбби, Сабрине, Эндрю и Зи. В нем было только три слова.

Вы были правы.

Первый этаж компании «Цитология» находился в ничем не примечательном здании на главном шоссе — раньше там обитала страховая компания. Хотя Сабрина проезжала мимо него много раз с тех пор, как несколько недель назад там обосновалась новая фирма, ее название было достаточно невыразительным и ей не приходило в голову задумываться, что там находится.

До настоящего момента.

Сабрина, Гэбби, Джастин, Зи и Эндрю шли от маленькой четырехместной парковки к главному входу, попутно стараясь заглянуть внутрь здания сквозь закрытые жалюзи.

— Вы уверены, что это здесь? — спросила Сабрина.

— Она прислала именно этот адрес, — подтвердил Эндрю, заглянув в свой телефон. Патриция прислала всей группе загадочное письмо сегодня рано утром. В нем она писала, что ей кажется, будто они все хотят получить некоторые ответы, и поэтому она предлагает встретиться в определенное время после школы.

С этого момента Сабрину обуревали самые разные переживания. Последний раз она испытывала не приглушенные лекарствами эмоции очень, очень давно.

Сначала было потрясение, которое пробрало ее до самого нутра. Патриция и Нэш действительно были связаны с тем, что с ними случилось. Хотя они определенно имели к этому отношение, ей по-прежнему казалось удивительным, что они сами это подтвердили, пусть даже неясно и туманно.

Потом потрясение сменилось гневом. Какое право Патриция и Нэш имели так просто поставить над ними этот эксперимент... или что там они проделали? Сколько раз они нарушили этический кодекс психотерапевтов? Не может быть, чтобы это им разрешили.

Отдельный запас гнева она припасла для Нэша: его обман ранил ее еще острее. Как она могла подумать, что между ними что-то возникло?

Но самой сильной эмоцией, охватившей ее, когда они подошли к дверям «Цитологии», была жажда ответов, невыносимое желание понять, что происходит. Что именно Патриция и Нэш сделали с ними? Теория о «воде с галлюциногенами» была единственной версией, которую Сабрина могла предложить. Но почему? И как это помогло ей одним махом слезть со всех таблеток и чувствовать себя прекрасно? Даже более чем. Именно так, как она уже не один год мечтала себя чувствовать.

Джастин несколько раз надавил на красную кнопку рядом с дверью. Секунду спустя в интеркоме сквозь треск помех послышался голос Патриции:

— Входите.

Дверь с жужжанием открылась.

— Идем, — сказал Джастин, отодвинул Сабрину в сторону и протиснулся в дверь впереди нее.

Сабрина вошла следом за ним в полутемный пустой холл, обставленный унылой мебелью, видимо, оставшейся от страховой компании.

Но позади, за последней отгороженной секцией, находилась запертая дверь, которая выглядела здесь совершенно неуместной, а рядом с ней виднелась панель для ввода пароля. Установили ли замок, чтобы не дать другим войти... или чтобы не выпустить этих пятерых?

Прежде чем Сабрина успела замедлить шаг, дверь распахнулась и они увидели большую

комнату с блестящим кленовым столом в центре. Вокруг него стояло больше десятка мягких кресел представительного вида, обращенных к двухметровому экрану, спущенному с потолка.

Что это за место? Оно не походило ни на один известный ей кабинет психотерапевта.

По обе стороны комнаты располагались стеклянные автоматические двери, которые вели в соседние кабинеты — каждый из них напичкан самой навороченной компьютерной техникой, какую только можно купить. Когда они вошли, Нэш сидел в одном из кабинетов и ни на секунду не отвлекся от компьютера, а из другого кабинета вышла Патриция, разглаживая свой помятый серый костюм.

— Приветствую вас снова, — поздоровалась она. Ее глаза ярко сверкали. — Уверена, у вас полно вопросов.

— Что вы с нами сделали? — спросила Сабрина, не в силах сдержаться.

— И кто вы вообще, к черту, такие? — влез в разговор Джастин. — Доктор Перл о вас даже не слышала!

Патриция обезоруживающе подняла руки.

— Я понимаю ваше смущение. Мы поэтому сюда вас и позвали. У нас есть объяснение для всего этого. Все прояснится.

Она жестом пригласила всех сесть вокруг стола. Нэш тем временем вышел из кабинета и присоединился к ним. Он сел рядом с Патрицией во главе стола, и Сабрина постаралась не обращать внимания на то, как у нее нервно сжался живот, когда она посмотрела на него.

— Давайте сразу к делу, — сказала Патриция, положив руки на стол, как только все пятеро уселись. — В данный момент вы испытываете то, что можно назвать проявлением экстрасенсорных способностей, верно?

Сабрина нерешительно кивнула, по-прежнему неуверенная, как много стоит раскрывать Патриции и Нэшу.

— Экстрасенсорных? Как все эти идиотские предсказатели? У меня-то кое-что другое, — насмешливо сказал Джастин.

— Это просто научный термин, — сказала Патриция. — Мы увидим, насколько он точен. Почему бы нам не обсудить, что испытывает каждый из вас? Тогда мы объясним вам больше. — Она приняла короткий момент тишины за согласие. — Гэбби!

Девушка смущенно покраснела, но Патриция ободрила ее кивком.

— О, ну... Я могу видеть то, что случилось в прошлом.

— Ретрокогниция, — ответила Патриция, как будто в словах Гэбби не было ничего необычного.

— Но это происходит только когда я дотрагиваюсь до какого-то предмета, — добавила Гэбби. — Я касаюсь объекта, и у меня возникает видение о нем и о том, что происходит вокруг него.

— Ретрокогниция работает так, будто ты подключаешься к энергии этого предмета, — объяснила Патриция, стремительно записывая что-то в лежащем перед ней блокноте «молескин».

— А как насчет тебя, Эндрю?

— Как будто мое сознание выпустили на свободу, — сказал Эндрю, примостившись на краю кресла. — Все, что связано с логикой, числами, последовательностями. Это сейчас ясно для меня как день.

— Интересно... — сказала Патриция, с улыбкой что-то записала и нетерпеливо повернулась к Зи.

— Зельда... то есть, извини, Зи.

— Я слышала мысли людей, — отозвалась Зи. — Но я не всегда понимаю, чьи они.

— Яснослышание, — согласилась Патриция, дав название этому явлению. — Джастин, что насчет тебя?

Он откинулся назад в своем кресле так далеко, что Сабрина подумала, что он вот-вот перевернется.

— Я уставился на одного кретина, которого мамочка притащила домой, и тут он пролетел через всю комнату. — Он криво улыбнулся. — К несчастью, с ним все в порядке.

— Как ты себя чувствовал прямо перед тем, как это случилось? — спросила Патриция.

— Был очень зол, как будто хотел швырнуть его через всю комнату.

— Психокинез, — откликнулась Патриция, рассматривая Джастина, словно изучая его в микроскоп.

— Психо... что? — переспросил Джастин. В его голосе уже послышалась готовность защищаться, челюсти напряглись, и Сабрина подумала, не начнут ли в скором времени предметы летать по этому конференц-залу.

— Психокинез. Способность управлять материей силой мысли. С того времени это больше не повторялось?

Джастин покачал головой.

— Правда, я попробовал пару раз сегодня утром, с книгой. Просто чтобы проверить, смогу ли я передвинуть ее на другой край стола. Ни-че-го.

— Психокинез требует больше ментальной силы, чем почти любая другая экстрасенсорная способность, так что вызвать его сложнее, — объяснила Патриция, не поднимая взгляда и продолжая делать записи в блокноте.

Настала очередь Сабрины. Нэш посмотрел на нее, подняв бровь.

— Как насчет тебя, Сабрина?

— Я видела моего брата, — ответила она, глядя ему прямо в глаза. — Моего умершего брата.

Она специально не отводила взгляда, требуя от него объяснений, потому что от ее внимания не ускользнуло, что пока они не получили ни одного.

— Других ты пока не видела? — спросил он.

— Других? В смысле, других призраков? — Это что, теперь и другие призраки будут являться ей как из-под земли? Эта мысль раньше не приходила Сабрине в голову. — Я имею в виду, призраки правда существуют?

— Ты уже видела одного, разве нет? — ответил Нэш, ничего толком не прояснив.

— Ага, — возмущенно откликнулась она. — Но он реален? Как все это вообще возможно? Почему это происходит? Я думала, мы пришли сюда за ответами.

Нэш посмотрел на Патрицию, и она прочистила горло.

— Вы правы. Очевидно, как вы сами можете заметить, эта программа отличается от того, что мы рассказали вам изначально, — сказала Патриция. Джастин хмыкнул, услышав эту оговорку. — Начнем с того, что мы не психологи.

Остальные раскрыли рты от удивления, но Сабрина не удивилась. Они уже соврали о многом, так почему бы и не об этом? *Может, Нэш, в конце концов, не так уж и недоступен.* Она постаралась запрятать эту возмутительную мысль поглубже, напомнив себе, что он лжец и что Зи может подслушать, о чем она думает.

— Тогда, если вы не мозгоправы, что все это значит? — спросила Зи. Сабрина

наклонилась вперед. Это был хороший вопрос. Кто они? Врачи? Исследователи?

Нэш окинул взглядом их всех.

— Мы работаем на ФБР.

Такого ответа Сабрина услышать вовсе не ожидала, и на этот раз она потрясенно онемела, как и остальные.

— Что вы имеете в виду? — наконец выпалила Зи.

— Мы работаем на секретный отдел ФБР, связанный с национальной безопасностью, — пояснил Нэш. — Раньше мы базировались рядом с региональным управлением Бюро в Альбукерке, но нас перебросили в Седар-Спрингс несколько недель назад для выполнения этого задания.

Сабрина снова напомнила себе о том вечере в «Соник». Должно быть, тогда он только приехал в город. Нэш — агент ФБР. *Абсолютно недоступен.*

— Раньше, когда вы находились в том кабинете вместе с нами, вы все употребили химическое соединение, которое вызвало произошедшие изменения. Оно было в воде, — объяснила Патриция.

— Я знал, что вы так и сделали.

— Вы действительно *накачали* нас... — резко прокомментировала Сабрина. Неважно, что она провела не один год, поглощая таблетки по своей собственной воле, но это ей дали без ее согласия. — Как это вообще может быть законным?

— Если мы говорим о ФБР, они не беспокоятся насчет законности, — со знанием дела сказала Зи. — У них там есть целый департамент, который занят тем, что затыкает рты людям, которые видели НЛО.

— Пожалуйста, давайте все проясним, пока никто не впал в панику, — продолжила Патриция. — Часть нашего отделения в ФБР занимается разработкой новых лекарств. Но не только лекарств. Задача моего отделения — разрабатывать вещества для определенных целей. Вещества, которые помогут Бюро раскрывать преступления и еще лучше вершить справедливость здесь и за границей. Я изучала нейронауки и биохимию. Вещество, которое вы приняли, — это особый проект, мой собственный. Сыворотка, освобождающая сознание. Это дает вам доступ к экстрасенсорным способностям, которые в обычном состоянии могут быть для вас недостижимы. У меня и моего предыдущего партнера ушло много лет, чтобы изобрести ее, синтезировать и довести до совершенства.

— Так почему вы дали нам что-то вроде суперсильного золофта^[8]? — спросила Зи.

На лице Патриции появилось выражение легкой досады, хотя она и улыбнулась.

— Наша цель состояла не в этом, хотя у средства есть полезный побочный эффект — оно нейтрализует эмоциональные реакции в височных долях мозга. Вот поэтому вы все могли заметить, что некоторые ваши прежние проблемы в определенной степени уменьшились, верно?

Сабрина окинула взглядом остальных и увидела, как они кивнули. Взаимовыгодный обмен? Патриция и Нэш накачали их зельем против их воли, но ради благой цели? Отчасти она до сих пор не могла принять, что не все последствия оказались плохими. Она забыла, как это освежающе — чувствовать ясность мыслей, наслаждаться полностью работоспособным сознанием. И хотя видеть Энтони было странно и жутковато, возможность увидеть его снова, а может, даже поговорить с ним интриговала девушку.

Тем не менее все это проделали с ребятами против их воли, и они не могли в полной мере оценить последствия. Нэш уже намекнул, что Сабрине могут явиться и другие

призраки, а она начала подозревать, что не все духи такие дружелюбные, как Энтони.

Девушка заговорила, пытаясь собрать все воедино.

— Я не понимаю... Вы исправили наши старые проблемы ценой замены их новыми странными проблемами?

— Я не думаю, что это «проблемы», — подал голос Эндрю со своего кресла по соседству с ней. — Не для меня. Я больше не чувствую себя постоянно больным, и к тому же я — гений. Это намного лучше.

Патриция посмотрела на него, и ее глаза сверкнули.

— Я надеялась, что кто-то из вас воспримет все именно так. Но и мы не рассматриваем происходящее с вами как некий набор проблем. Мы рассматриваем это как набор ресурсов. Это не наказание. Некоторые люди отдали бы все за способности такого рода.

Сабрина сомневалась, что люди выстроились бы в долгую очередь за право обменять свою собственную свободную волю на возможность видеть призраков. Хотя Эндрю с энтузиазмом кивал, соглашаясь с Патрицией, остальные, похоже, разделяли сомнения Сабрины.

— Может, другие люди и хотели бы таких способностей, — дипломатично сказала Гэбби. — Но откуда вы знаете, хотим ли этого мы?

Джастин тут же кивнул.

— Верно. Вы подписали нас на это против нашей воли.

— И вы все еще не сказали нам, почему, — добавила Сабрина. — Если вы сделали это с нами не для того, чтобы исправить наши проблемы, то для чего?

— Справедливый вопрос, — неохотно согласилась Патриция. — Мы дали вам сыворотку не просто чтобы устранить некоторые из ваших проблем. Мы просим кое-что взамен. Вас всех выбрали по определенной причине. И этот город тоже выбрали по определенной причине.

Джастин удивленно усмехнулся.

— С какой стати кто-то выберет этот город для чего бы то ни было?

— Все вы в курсе, что несколько недель назад в округе произошло убийство на краю леса Арапахо. Убита женщина по имени Лили Карпентер. И убийца по-прежнему на воле.

— Наверное, давно смылся, — ответил Джастин. — Я слышал, что это какой-то нездешний бродяга, которому нужны были бабки, вот он ее и пристукнул.

— Это полицейские хотят заставить вас думать так, потому что не могут признать, что на свободе бродит серийный убийца.

— Я слышал, что это как-то связано с тем типом, который хотел превратить ее дом в торговый центр, — сказал Эндрю и секунду спустя покраснел, слишком поздно осознав, что этот тип — отец Зи.

— Ни одна теория не подтверждена уликами, — сказала Патриция. — Большинству людей известны не все факты. На самом деле Лили Карпентер — бывший агент ФБР.

Сабрина удивленно подняла взгляд. Тихая женщина, которая продавала свечи ручной работы, была агентом ФБР? Сабрина считала, что она вроде тех хиппи — любителей природы. Раздумывая она хоть миллион лет, ей бы и в голову не пришло, что Лили работала на ФБР. Но опять же, как много вообще можно сказать о человеке, глядя со стороны?

— Но почему они не сообщают, что она была из ФБР?.. — начал Эндрю, но Нэш тут же прервал его.

— Не все следует выносить на публику.

— Лили была не просто рядовым агентом ФБР, — добавила Патриция. — Прежде чем она ушла из Бюро несколько лет назад, она работала вместе со мной. Именно с ней мы создали эту сыворотку.

— Сыворотку, которую вы недавно дали нам? — уточнила Сабрина. Она пришла в состояние полной растерянности.

— Да, — ответила Патриция. — В ту ночь, когда ее убили, из ее сейфа похитили запас сыворотки.

Эндрю внезапно насторожился:

— Как вы смогли дать нам эту сыворотку, если ее уже украли?

Впечатленная, Сабрина посмотрела на него с благодарностью за то, что его новообретенные логические способности теперь на ее стороне.

— Мы храним сыворотку в нескольких местах. Поскольку Лили была одним из ученых-химиков, которые изначально участвовали в проекте, у нее хранился немалый запас в собственном запертом сейфе. Остальное хранилось у меня. В ночь убийства сыворотку, хранившуюся у Лили, выкрали из ее сейфа.

— И именно поэтому и убили? — спросил Эндрю. — Чтобы украсть сыворотку?

Патриция мрачно кивнула, и Сабрина наконец поняла, что та имела в виду раньше, когда сказала, что есть люди, которые отдали бы что угодно за эти способности. Для кого-то другого эта сыворотка, которую Сабрина недавно приняла, имела такую ценность, что ради нее стоило убить. Но она понятия не имела, почему.

— Преступник использовал код, известный только Лили, чтобы открыть сейф, установленный у нее дома. Хотя она погибла от огнестрельного ранения, ее тело, вдобавок, было покрыто свежими ожогами третьей степени — еще одна деталь, которая не попала в отчеты. Мы считаем, что эти ожоги — следы пыток. Так преступнику удалось выяснить, где она прячет сыворотку, и добыть код от сейфа.

— Кто бы ни убил Лили Карпентер, теперь у него есть сыворотка, — вставил Нэш. — Этого человека нужно найти немедленно, потому что если это соединение попадет не в те руки, последствия могут быть катастрофическими.

У Сабрины все внутри сжалось.

— Я думала, вы сказали, что с этим веществом нет никаких проблем. «Доведено до совершенства». А теперь речь о катастрофе?

— Это вещество приносит пользу, если его использовать правильно, — ответила Патриция. — Но если оно в руках человека, который понятия не имеет, как его принимать... это другая история.

— Или человека, который планирует использовать сыворотку в дурных целях, — добавил Нэш. — Человека, который хочет использовать ее, чтобы причинить вред другим. Чтобы совершать преступления. Чтобы захватить власть. Если мы не узнаем, у кого она, этот человек сможет дать ее кому-то. Или, что еще хуже, воспроизвести ее и широко распространить.

Глаза Эндрю расширились.

— Или они смогут продать ее нашим врагам. Создать армию террористов с усиленными способностями, которые будут всегда на шаг впереди нас.

— Именно. Вы представить не можете, сколько другие государства заплатили бы за подобное оружие, разработанное ФБР, — продолжил Нэш. — Представьте группу террористов, обладающих способностями Джастина. Они смогут сбить самолет, просто

посмотрев на него.

Такая перспектива выглядела ужасающей, и Сабрина осознала, что это лишь один из множества подобных вариантов.

— Вот почему чрезвычайно важно выяснить, кто расправился с Лили, чтобы мы могли вернуть сыворотку обратно в руки ФБР, — сказала Патриция. — В настоящий момент мы в тупике. У нас нет никаких заслуживающих упоминания улик. — Она наклонилась вперед и пристально посмотрела на всех пятерых. — Вот почему мы решили обратиться к нетрадиционным средствам.

Сабрина увидела проблеск озарения в глазах Эндрю.

— Вы хотите, чтобы мы помогли вам раскрыть дело, — заключил Эндрю, — вооружившись нашими новыми способностями. Используйте сыворотку, чтобы найти сыворотку.

Сабрина подумала было, что он тронулся умом, но тут же увидела, что Патриция и Нэш одновременно кивнули.

— Он прав? — спросила Зи, потрясенная так же сильно, как и Сабрина.

— Да, — сказала Патриция. Несколько секунд она молчала, давая остальным проникнуться этой идеей, а когда снова заговорила, ее голос звучал тише и печальнее.

— Мы понимаем, что это неординарное решение. ФБР время от времени нанимает экстрасенсов для работы в расследованиях, но мы никогда раньше не действовали таким образом. Возможно, ничего не получится и нам придется смириться с этим. Но ФБР решило, что ставки в данном случае достаточно высоки. Вот насколько это важно. Мы должны выяснить, кто убил Лили Карпентер, и вернуть сыворотку.

Вопросы взорвались в голове Сабрины словно фейерверк.

— Почему вы все просто не приняли сыворотку сами? Разве не разумнее отправить на это дело опытного агента ФБР, а не кучку подростков?

— Поверь мне, мы пытались, — ответила Патриция. — У взрослых вещество не вызывает явно выраженных результатов. В юном возрасте мозг еще формируется, рост синапсов происходит быстрее, чем у зрелых людей, и благодаря этому эффект лекарства закрепляется. Кажется, существует «магическое окно», когда вещество действует наиболее эффективно.

Гэбби нервно вертела в руках прядь волос.

— Вы сказали, что это секретно. Так что, наши родители ничего об этом не знают?

— Им нельзя ничего знать, — сказала Патриция. — Эти письма об участии в программе групповой терапии, которые мы разослали и на которые они не ответили, — предел того, что мы могли им сообщить.

— И я уверена, что они даже не смогут отследить, кто их отправил, — отметила Зи.

— Верно. Потому что они не должны знать, — ответил Нэш. — Вы пятеро не должны рассказывать им об этом. На самом деле вы вообще никому не должны рассказывать. Ни друзьям, ни братьям и сестрам, ни учителям, никому. Все, что мы рассказали вам сегодня, — секретная информация, и она должна оставаться таковой.

Сабрина не могла вспомнить, когда в последний раз ей доверяли хоть что-нибудь.

— А что если мы расскажем? — с вызовом спросил Джастин.

Зи вздохнула.

— Можно подумать, кто-то тебе поверит. Если ты расскажешь кому-то, что можешь швырнуть человека на другой конец комнаты силой мысли, они просто решат, что ты начал

принимать стероиды.

Джастин сердито взглянул на Зи.

— Как будто тебе самой кто-то поверит. Они просто решат, что у тебя шиза.

— Да разве кому-то из нас могут поверить, — сказала Гэбби, и ее приглушенный голос тут же привлек общее внимание. — Они именно поэтому нас и выбрали. То письмо, которое они разослали, — вот как они отобрали нас. Чьим родителям, чьей семье будет сильнее всего наплевать? Кого считают самыми безнадежными? Даже если мы расскажем нашим родителям, вряд ли они прислушаются. Они и так уже считают нас сумасшедшими. Мы пошли к доктору Перл, чтобы узнать насчет этой встречи, и она решила, что мы сами все это подстроили.

— Она права, — заключила Сабрина, подумав о своих собственных родителях. Как ни посмотри на эту ситуацию, все пятеро оказались в ловушке, но почему-то эта мысль уже не злила ее так сильно, как раньше.

Прежде чем заговорить снова, Патриция медленно окинула группу взглядом.

— То, что я сказала вам тогда, в кабинете, было правдой. Возможно, другие считают вас безнадежными, пропащими, но мы верим в вас. Иначе мы не сделали бы того, что сделали. Мы не пошли бы на такой огромный риск. Вы устали от того, что люди недооценивают вас или пренебрегают вами. Мы хотим принимать вас всерьез. Вот ваш шанс — мы поднесли его вам на блюде.

Сабрина колебалась. Несомненно, их использовали. Но на них не просто поставили бесконтрольный эксперимент. Ими воспользовались для чего-то важного.

— Не считите за грубость, но чего ради мы должны вам помогать, а? — возразил Джастин. — Вы дали нам свое лекарство. Мы на это не подписывались.

— Какая разница? — сказал Эндрю. — Серьезно, что такого уж замечательного было в нашей жизни до этого? Честно говоря, что мы все теряем?

Ничего. В жизни Сабрины не было ничего замечательного, что она боялась бы потерять. Они впятером много общались друг с другом несколько дней, и для нее это было самое близкое общение за последние годы.

— Вряд ли то, от чего мы откажемся, будет лучше того, что мы получим в итоге. Я вижу тут только плюсы, — сказал Эндрю.

Джастин резко и шумно вздохнул.

— За себя говори, неудачник. У меня и до этого была нормальная жизнь. — Он посмотрел своими темными глазами на Патрицию и Нэша. — Возможно, я никого не заставлю поверить мне, но это не значит, что я обязан вам помогать.

— Если вы не хотите помочь, у нас есть простое решение, — спокойно предложила Патриция. — От этого вещества есть противоядие. Я могу ввести вам антитела, которые нейтрализуют действие вещества. Мы хотели дать вам почувствовать его эффект на собственном опыте, чтобы вы могли принять информированное решение. Но если вы не захотите помочь с этим исследованием, мы в любой момент сможем обратить все изменения, случившиеся с вами.

— И противоядие вернет все к тому, как было? — спросил Джастин, и его голос стал менее напряженным, как будто теперь, когда он знал, что его новообретенная способность может исчезнуть, он заново решал, сердится ли он.

— Да, вы вернетесь точно к такому же состоянию, в каком находились, — подтвердила Патриция и подчеркнула: — В точности.

— Проблемы и вот это все... — уточнила Сабрина, и Патриция кивнула.

Вот оно. Теперь у Сабрины был выбор, который раньше отсутствовал. Возможности были полностью противоположными. Она могла вернуться к прежнему состоянию и стать наркоманкой, которую все списали со счетов, девушкой, которой даже двух слов связать не доверят. Но она может и остаться вот этой новой версией себя, девушкой, которой доверили тайну. Конечно, они именно потому и выбрали ее, что все остальные вокруг считали ее пропащей. Но она все еще может использовать этот шанс, чтобы доказать, что все остальные — ошибались. Сделать что-то по-настоящему важное. Искупить все те годы, что она потратила впустую.

— А что случится с антидотом, если все это действительно сработает и мы найдем сыворотку? — спросила Зи. — Вы силой заставите нас принять его?

— Нет, — ответила Патриция. Сабрина почувствовала облегчение, когда услышала подтверждение собственным мыслям насчет антидота. — Принимать его или нет — выбор всегда останется за вами.

Сабрина осторожно наклонилась вперед.

— Так не могли бы вы рассказать нам, как это все вообще должно сработать? Как мы можем помочь вам раскрыть дело и найти остаток сыворотки? — спросила Сабрина и тут же добавила: — Я еще не даю полного согласия. Я просто любопытствую.

Патриция посмотрела на них, подняв бровь:

— Пожалуй, будет легче *показать* вам, как это должно сработать.

* * *

Патриция не сказала, куда именно они в итоге направлялись, но Зи все равно делала шаг за шагом в своих армейских ботинках, идя вместе с остальными к стоявшему на парковке фургону Нэша. Может, ее толкало вперед болезненное любопытство. А может, в ней говорило желание оказаться в центре самой масштабной истории в Седар-Спрингс. Полгорода было уверено, что серийный убийца отсиживается в лесу, поджидая следующую жертву. Если бы они только знали, насколько все на самом деле сложнее.

И намного, намного хуже.

Как победить вражескую армию, если солдаты могут отшвыривать людей силой мысли? Или если они могут разгадать стратегию противника с помощью одного видения?

— Ты уверена? — прошептала Гэбби, нагнав Зи. — Не думаешь, что это опасно — связываться в расследование убийства?

Мысль об опасности еще не приходила Зи в голову. По крайней мере, не с такой точки зрения.

— Возможно. Но если у какого-то психа в руках сыворотка, мы все равно в опасности, даже если не станем в это влезать.

— Не знаю... — сказала Гэбби, обеспокоенно наморщив лоб. — Может, мне стоит попросить антидот.

— Почему бы тебе не пойти с нами? А потом уже решишь, чего хочешь, — предложила Зи. — Я именно так и собираюсь сделать.

Гэбби выдохнула с облегчением оттого, что пока не нужно принимать решения.

— Ладно. Это хорошая идея.

Зи забралась в фургон следом за ней, и Нэш выехал с парковки. Девушка провела рукой по мягкому ежику своих волос, тоже размышляя об антидоте. Хочет ли она снова почувствовать себя... пустой? Не сказать, чтобы последние два дня она размышляла в основном о радуге и единорогах, но ее новый мир выглядел так, будто кто-то прибавил яркости на мониторе. Разве время от времени слышать чужие мысли так уж плохо? Это будто улучшенная способность подсматривать. Теперь, когда она поняла, почему это происходит, обмен казался не таким уж плохим, если предположить, что Патриция и Нэш говорят правду, чего она, конечно, никогда не узнает — правительственные организации известны своей скрытностью.

Даже сейчас она могла лишь гадать, куда они направляются. Патриция сказала, что как только они туда доберутся, у них всех будет возможность опробовать свои новые способности и посмотреть, как они могут участвовать в поисках сыворотки.

Ее размышления прервал голос Эндрю. Он наклонился вперед, к Патриции.

— Как сыворотка могла настолько изменить нас? С точки зрения науки?

— Превосходный вопрос. — Патриция повернулась боком, чтобы оказаться лицом к нему. — Все мы обладаем определенным спектром ментальных способностей, которых обычно не осознаем. Основной компонент сыворотки, как и во многих наркотиках, открывает внутри вашего мозга каналы, которые вы обычно не используете. Например, ЛСД активирует рецепторы серотонина, вызывая обостренное восприятие.

Зи наострила уши. О каждом антидепрессанте, который ей когда-либо прописывали, говорилось, что он должен повысить уровень серотонина, но ни один из них не сработал. До настоящего момента.

Патриция продолжала, ее глаза блестели, казалось, она могла говорить на эту тему часами.

— Наш препарат влияет на так называемые «экстрасенсорные» нейроны префронтальной коры вашего мозга. Когда эта зона стимулируется, способности усиливаются, что делает возможными яснослышание, ясновидение, психометрию, предвидение, телепатию... все разновидности того, что кто-то может назвать шестым чувством. Индивиды с врожденным талантом в этой области — я говорю не о хиромантах, а о людях с подлинным, врожденным телепатическим даром — способны естественным образом стимулировать собственные нейроны. Препарат воспроизводит такое воздействие, хотя на разных людей он действует по-разному.

— Вот почему его влияние на нас отличается, — отметил Эндрю.

— Почему бы вам вместо этого не нанять настоящих экстрасенсов в качестве помощников — тех, у кого есть врожденный дар? — спросила Сабрина.

— ФБР время от времени нанимает экстрасенсов, чтобы они помогали, когда расследование упирается в тупик, — ответила Патриция, — но на них не всегда можно положиться. Сыворотка, вероятно, намного более эффективный способ развить подобные способности. Фактически это способ создать безупречного экстрасенса.

— Нэш, а ты тоже химик? — спросил Эндрю.

— Нет, — ответил тот.

Джастин с любопытством посмотрел на парня.

— Значит, ты, типа, мышцы в этой команде?

— Нет.

Он не стал вдаваться в подробности, но Патриция пояснила:

— Нэш — специальный агент контртеррористического подразделения.

«И не очень разговорчивый», — подумала Зи.

— Как я уже сказала, пропажа сыворотки — угроза национальной безопасности.

Мостовая закончилась, и Нэш свернул с вымощенной деревом сельской дороги на грязную грунтовку.

— Вы собираетесь нам сказать, куда мы сейчас едем, или нам нужно отгадать это с помощью наших суперспособностей? — проворчал Джастин.

Когда фургон наконец остановился, Нэш посмотрел на их лица в зеркало заднего вида.

— Мы приехали.

Зи узнала место, знакомое ей по газетным фотографиям.

Они приехали к домику Лили Карпентер.

Патриция и Нэш привезли их на место преступления.

Сабрина выбралась из фургона вместе с остальными и подняла взгляд на темные тучи, нависавшие над маленькой хижинкой Лили Карпентер. Они не скрывали, что в ближайшие несколько часов выпустят на волю свою ярость в виде грома и молний.

— Детективы обшарили дом несколько раз, но в основном хижина выглядит так же, как тогда, когда нашли Лили, — сказал Нэш, пока они с Патрицией вели ребят по деревянным ступеням ко входной двери.

Патриция повернулась к ним.

— Как я уже вам сказала, мы зашли в тупик. Именно поэтому вы здесь. Я надеюсь, что арсенал способностей, имеющихся в вашем распоряжении, позволит обнаружить улики, которые никому из нас не удалось заметить. Потому что если мы не найдем сыворотки в скором времени, убийство Лили окажется только малой частью нанесенного вреда. Мы больше не можем терять времени.

Сабрина первой пролезла под желтую ленту, огораживавшую место преступления, и вошла в хижину. То, что она чувствовала, было бы неправильно назвать восторгом, но это определение достаточно точно отражало истину. Она забыла, как сильно любила тот всплеск энергии, который ощущала перед тем, как взяться за трудную задачу. Она всегда была девочкой, предпочитающей не «правду», а «действие», потому что и представить не могла ситуацию, которая вынудила бы ее отступить.

Патриция и Нэш вернули ей это чувство, и взамен просили помочь им раскрыть убийство, от результатов расследования которого зависела безопасность страны или даже мира. Внезапно эта цена показалась ей не такой уж высокой, и она вошла в хижину в полной готовности и с чувством предвкушения. Возможно ли, что она увидит что-то или кого-то, что позволит полностью раскрыть дело прямо сейчас?

Она окинула взглядом уютную гостиную, в которой не было никаких следов деятельности криминалистов, кроме полустертого мелового контура в центре комнаты, где обнаружили тело Лили. На стенах висело несколько черно-белых пейзажей, похоже, изображающих прошлое Западной Америки. Значительную часть комнаты занимал огромный камин из серого камня, перед которым стоял маленький продавленный диван, а рядом с ним — корзина, набитая книгами, газетами и журналами. Наверное, Лили провела не один зимний вечер, устроившись на этом самом месте и читая, пока в камине перед ней гудел огонь.

Но казалось странным, что диван был единственным предметом мебели в комнате. Да, комната невелика, но кушетка и еще одно кресло легко поместились бы. Нэш сказал, что все осталось нетронутым, так что криминалисты не должны были ничего убрать. К Лили никогда не приходили гости? Или она не хотела их принимать?

Дверь в другом конце комнаты вела на кухню, где Лили обустроила свою свечную мастерскую. Коробки с обрезками воска стояли на полу, плита была заставлена пароварками, а на столе аккуратно разложены пакетики с собранными вручную кедром, лавандой и жимолостью. Ящик с готовыми свечами стоял у задней двери. Ничто не намекало на то, что Лили работала в ФБР или была химиком, за исключением той педантичности, с которой она расставила по алфавиту свои травы и ароматические эссенции.

Нэш пересек комнату и встал рядом с меловым контуром.

— Расположение тела Лили свидетельствует о том, что убийство произошло здесь, в гостиной. В доме не обнаружили никаких следов крови или отпечатков, кроме ее собственных. На образцах ткани, найденных в доме, обнаружили ДНК четырех разных людей, но никого из них нет в нашей базе данных. Мы даже не знаем, кому эти ДНК принадлежат.

— И нет никакого способа узнать, когда эти четверо были здесь и связан ли кто-то из них с убийством Лили, — объяснила Патриция. — Все, что мы знаем, — это то, что один обнаруженный нами волос принадлежит ремонтнику, который заходил несколько месяцев назад.

— Единственное, что следователям удалось подтвердить, — это то, что ее застрелили с близкого расстояния прямо здесь, — сказал Нэш.

— Киллеры так и делают. Так в Сети говорят, — добавил Джастин.

По спине Сабрины пробежал холодок, когда она оглянулась на меловой контур. Лили убили в нескольких сантиметрах от того места, где стоит она сама. Теперь, когда Сабрина присмотрелась получше, она увидела, что на деревянном полу еще остались бледные следы крови.

— Я также упоминала об ожогах, — сказала Патриция. — Их было множество на руках, ногах и животе Лили. Ожоги третьей и четвертой степени, которые проникли сквозь все слои кожи. В некоторых местах ее руки почернели и обуглились.

Ее голос слегка дрогнул, как будто она сама ощутила боль, пережитую ее подругой.

Сабрина подняла взгляд от пола. Последние минуты жизни бедной Лили были наполнены мучительной болью и ужасом.

— Думаете, они использовали для пыток одну из ее свечей? — спросил Эндрю. — Или расплавленный воск?

— Не исключено, хотя нет никаких улик, которые бы это подтверждали, — ответил Нэш. — Судя по интенсивности ожогов, это может быть и паяльная лампа, но мы не сумели в точности установить, что именно использовал преступник.

— Или преступники, — добавила Патриция. — Мы не исключаем вероятности того, что в преступлении участвовало несколько человек.

Сабрина подумала, что Патриция не преувеличивала, говоря об отсутствии зацепок. Кто бы ни убил Лили, этот человек знал, как прятать следы.

— Сколько людей знало, что сыворотка вообще существует? — спросил Эндрю. Его взгляд метался по комнате, и было почти заметно, как его мозг работает на сверхскорости. — Разве это не сужает список подозреваемых?

— По нашим подсчетам, менее десяти, — ответила Патриция, — большинство из них в настоящий момент работает в ФБР. Они уже допрошены и оказались полностью вне подозрений. Мы допросили и тех немногих, кто ушел на пенсию или уволился из ФБР.

— А что, если они рассказали другим людям? Вы их тоже отследили? — спросил Эндрю.

— Все агенты, которые знали о сыворотке, утверждают, что не разглашали секретной информации никому, кто не имел права ее знать, — ответил Нэш.

— Но вы не допрашивали Лили, — сказала Сабрина. — Она могла кому-нибудь рассказать.

— Не думаю, — возразила Патриция. — Она знала, с чем мы имеем дело. Она не хотела, чтобы это вещество попало не в те руки, так же как и я.

Нэш выглядел не таким уверенным.

Сабрина подошла к каминной полке, на которой стояла фотография в рамке. На ней была Лили, на пляже, она обнимала какого-то мужчину, и оба они, широко улыбаясь, смотрели в камеру. Фотография привлекла внимание Сабрины, потому что она оказалась единственным личным фото во всей комнате.

— А что насчет этого типа?

Гэбби сняла фотографию с полки, но внезапно резко вздохнула и ее глаза закатились.

— Гэбби! Ты в порядке? — Сабрина поспешила к Гэбби, чтобы подхватить ее, если та потеряет сознание.

Патриция остановила ее, вытянув руку.

— Она в порядке.

— Правда? Разве это *в порядке*?

Зи посмотрела на Сабрину понимающим взглядом.

— Расслабься. Я видела, как она делает это, раньше. У нее видение.

Сабрина не могла отвести взгляда от Гэбби, которая стояла совершенно неподвижно, только веки подрагивали. Меньше чем через минуту она распахнула глаза и ее тело расслабилось — будто статуя ожила.

— Человек на этом фото — муж Лили. Я только что видела, как они отдыхают на пляже во время медового месяца.

Патриция нахмурилась.

— На самом деле сейчас Роберт — ее бывший муж.

— Бывший муж, фото которого она хранит на каминной полке? — Зи усмехнулась. — Странный предмет интерьера, не правда ли?

Эндрю кивком согласился с ней.

— Его исключили из списка подозреваемых?

— Да, — сказала Патриция с ноткой разочарования в голосе. — В тот день он был в самолете, летел из Денвера в Нью-Йорк. — Она сжала губы, как будто с радостью опровергла бы этот незначительный факт.

— У них были дети? — спросила Гэбби.

Патриция помедлила.

— Нет.

Краем глаза Сабрина увидела, как на лице Зи промелькнуло вопросительное выражение. Она услышала мысль Патриции? Или чью-то еще?

— Но он знал о сыворотке? — спросил Эндрю.

Нэш кивнул.

— Он клятвенно обещал, что никому об этом не расскажет.

Теперь неуверенной выглядела Патриция.

— Подходящий момент, чтобы обсудить, что *мы* знаем о Лили Карпентер, — продолжил Нэш. — Она переехала в эту хижину три года назад, когда получила ее в наследство от отца, а до этого сменила несколько мест жительства на юго-западе. За десять лет после своего увольнения из ФБР здесь она задержалась дольше всего.

— Почему она так часто переезжала? — спросила Сабрина. — Это как-то связано с тем, почему она ушла из ФБР?

Патриция покачала головой.

— Нет, она просто решила, что с нее хватит. Она устала от постоянного давления. У нее

всегда было мало свободного времени. Она наслаждалась возможностью свободно путешествовать с места на место.

Сабрина подбирала слова для следующего вопроса, когда ее ноздрей коснулся неприятный запах, такой сильный, что она потеряла нить размышлений.

— Что это за запах?

— Какой запах? — спросил Джастин. Остальные непонимающе уставились на нее.

Как они могут не чувствовать этого? Ей казалось, будто она засунула нос прямо в помойку. Но дело было не только в запахе — воздух внезапно стал холоднее.

Она вдруг услышала возникший будто из ниоткуда еле заметный стук, словно чьи-то туфли ступали по деревянным доскам пола, но, оглянувшись по сторонам, она увидела, что никто не сдвинулся с места.

Внезапно Сабрина почувствовала, что в комнате есть кто-то еще.

Долю секунды спустя Лили Карпентер крепко вцепилась в ее запястье своими длинными пальцами.

Если Энтони словно светился изнутри, когда Сабрина увидела его, то Лили будто стояла в тени, совсем не похожая на широко улыбающуюся женщину на фото. Все в ее виде, от оттенка щек до цвета платья, выглядело выцветшим и тусклым. Единственной живой и яркой деталью в образе Лили был ее свирепый взгляд, такой же сильный, как и ее хватка на запястье Сабрины.

Сабрина не могла оторвать глаз от Лили.

— *Я знаю...* — Лили дышала отрывисто и с трудом, шепотом обращаясь к Сабрине. Она постоянно моргала, будто произносимые слова причиняли ей мучительную боль.

Я знаю, для чего им это нужно.

Прежде чем Сабрина успела спросить, о ком и о чем она говорит, Лили исчезла. Опустив взгляд на свое запястье, она увидела на коже красные следы — там, где пальцы Лили вцепились в руку. Она недоверчиво рассматривала их, видя, как они медленно исчезают, и в ее теле бушевало больше адреналина, чем после любого наркотика, который ей доводилось пробовать.

Все смотрели на нее. Особенно Нэш.

— Что сейчас случилось? — спросила Патриция, вне себя от возбуждения.

— Я видела Лили, — сказала Сабрина. Она нервничала, у нее перехватывало дыхание. — Лили появилась прямо передо мной. Буквально *дотронулась* до меня. Я почувствовала ее прикосновение.

Гэбби обхватила себя руками, лихорадочно осматривая комнату, будто призрак мог появиться снова и теперь схватить ее.

— Звучит пугающе.

— Это случилось слишком быстро, чтобы испугаться, — честно призналась Сабрина, хотя ее пульс еще не вернулся в норму.

— Она что-нибудь сказала? — спросила Патриция, глядя в одну точку, словно Лили по-прежнему была прямо здесь, и возможно, мечтая, чтобы она сама обладала способностью ее увидеть.

— Да. Она сказала: «Я знаю, для чего им это нужно».

— Нужно что? Сыворотка? — спросил ее Эндрю.

— Я не знаю, — ответила Сабрина, внезапно ощутив укол разочарования из-за того, что не сумела уловить больше информации.

— Определенно она говорила о сыворотке, — ответила Патриция.

— Она сказала: «Я знаю, для чего *им* это нужно». Может, она пытается сказать нам, что с ней это сделали несколько человек, — предположил Эндрю. — Ты сказала, что здесь нашли ДНК нескольких человек. Вероятно, именно это она хотела нам сообщить.

Сабрина почувствовала облегчение. Может, она получила больше информации, чем думала.

— Верно.

— Или, может, она имела в виду кого-то, кто купил сыворотку у убийцы. Она знает, для чего она им нужна, — добавила Патриция.

— А не было бы проще, если бы она просто сказала, кто ее замочил? — спросил Джастин. — Тогда мы могли бы просто раскрыть дело и убраться отсюда. Дело закрыто.

— Да, очевидно, но... Может, она не могла сказать больше, — ответила Сабрина, вспомнив, каких усилий стоило Лили произнести эту фразу. — Было похоже, что каждое слово дается ей с трудом. — От мыслей об этом у нее внезапно закружилась голова. А может, в хижине не хватало воздуха.

— Это вполне вероятно, — согласилась Патриция. — По словам тех медиумов, с которыми я работала в ФБР, духу требуется затратить огромную энергию, чтобы соединить два мира. Наверное, это утверждение — все, что она смогла выговорить.

— Если это единственное, что она могла сказать, то это должно быть важным, — отметил Эндрю.

— Тоже так думаю, — ответила Патриция. Ее глаза сверкали. — Полагаю, мы все должны осмотреть остальную часть хижины. Вероятно, вы еще не получили полного контроля над своими способностями, а это означает, что новая информация может открыться вам в любой момент.

Подразумевала ли Патриция, что наступит момент, когда они смогут управлять своими способностями? Когда Сабрина сможет сама вызвать призрак?

— Сейф, где Лили хранила сыворотку, находится в шкафчике в ее спальне, — продолжила Патриция. — Есть смысл начать оттуда.

Пока остальные направились напрямик в спальню, Сабрина выскользнула в заднюю дверь. От холодного воздуха головокружение сразу уменьшилось, хотя сердце по-прежнему неистово колотилось.

Она устроилась на ступеньках, испытывая те же чувства, что и после катания на американских горках — взволнованность и испуг, но вместе с тем готовность вернуться в очередь, чтобы прокатиться еще раз, как только закончится очередной спуск. Готова ли она принять это как часть своей жизни? Американские горки — это весело, но на них катаются лишь иногда. Постоянно кататься не захочешь. Хочет ли она постоянно видеть призраков и справляться с этим?

И все же... сыворотка дала ей второй шанс. Если она решит принять антидот, не запустит ли она руку в свой личный запас наркотиков в ту же секунду, как вернется домой?

У нее за спиной со скрипом открылась дверь. Она сразу же догадалась, что это Нэш, еще до того, как увидела его. *Держи себя в руках, Сабрина.*

— Патриция хотела убедиться, что ты не сбежала, — коротко сказал он. — Ничего нового, я полагаю?

— Мне просто нужно было минутку передохнуть.

Нэш оперся о перила и окинул ее таким взглядом, что она почувствовала себя словно на приеме у врача.

— У тебя есть какие-то невысказанные мысли на этот счет?

Она посмотрела вверх.

— Не совсем... Все немного сложнее.

— Обычно все усложняется, только если ты сама это позволяешь.

— Вы не знали, какой я была раньше.

— Я не знаю, какова ты сейчас.

Она вздрогнула от его резкого ответа. Ей показалось, что она заметила в его взгляде тень сожаления, но когда попыталась посмотреть ему прямо в глаза, его лицо снова стало непроницаемым.

Нэш сел рядом с ней, и она почувствовала жар, исходящий от его тела. Они молча

созерцали пустое пространство перед ними. В поле зрения не было никаких других хижин — отец Зи уже снес их, чтобы подготовить место для своих роскошных многоквартирных домов с видом на озеро. Уцелели только большие скопления елей.

Наконец Нэш заговорил.

— Я догадываюсь, что видеть этих призраков тебе нелегко.

Сабрина подняла бровь.

— Мы снова делаем вид, что ты мозгоправ?

Ей показалось, что, хотя парень и попытался это скрыть, легкая улыбка промелькнула на его губах и тут же исчезла.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Классический американский роман Фрэнсиса Скотта Фицджеральда (1934).

Игрок нападения в американском футболе, который занимает крайнюю позицию, атакует игроков противника или передает пас.

Ведущий игрок нападения в американском футболе.

ОКР — обсессивно-компульсивное расстройство.

Amigo — друг, приятель (*исп.*).

Рарі — папочка (*исп.*).

Caliente — горячий, жаркий, страстный (*исп.*).

Сильный антидепрессант.